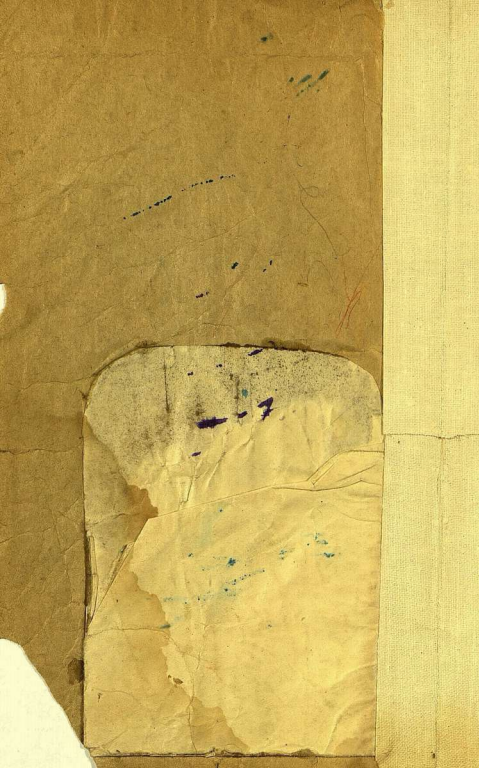

И. Ефремов Тень минувшего

И. ЕФРЕМОВ

В МИНУВШЕ

БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИИ

№ 10

С. 10

№ 1849

БИБЛИОТЕЧКА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИИ

И. А. ЕФРЕМОВ

ТЕНЬ МИНУВШЕГО

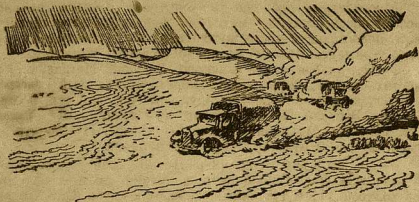
Е-90

Рисунки К. Арцгулова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРКОМПРОСА РСФСР
Москва 1945 Ленинград

681121 Кх-рег

Российская государственная
детская библиотека

ТЕНЬ МИНУВШЕГО

— Наконец-то! Вечно вы опаздываете, — весело воскликнул профессор, когда в его кабинет вошел Сергей Павлович Никитин, молодой, но уже широко известный своими открытиями палеонтолог¹. — А у меня сегодня были гости. Прямо с сельскохозяйственной выставки — два знатных чабана из восточных степей. Вот и подарок из уважения к ученым — смотрите: дыня, большущая, желтая... и как пахнет! Давайте ее вместе того... за здоровье знатных пастухов.

— Вы меня за этим и звали, Василий Петрович?

— Уж очень вы нетерпеливы, молодой человек! Повернитесь-ка налево, вот к этому столику...

Никитин быстро подошел к маленькому столику в углу кабинета.

На сером картоне были аккуратно разложены гладкие темнокоричневые обломки крупных ископаемых костей. Палеонтолог схватил лежавшую слева кость, постучал по ней ногтём, повернул другой стороной. Поочередно пересмотрел все восемь кусков, тяжелых и плотных, пропитанных кремнем и железом.

---

¹ Палеонтолог — ученый, изучающий вымерших (ископаемых) животных.

Многолетняя практика в анатомии скелета давала возможность сразу же мысленно дополнять, восстанавливать недостающие части костей и за их характерной формой угадывать полный скелет вымершего животного.

— Ну, теперь я все понимаю, Василий Петрович. На костях темная полированная корка — пустынный загар¹. Значит, чабаны их собрали прямо на поверхности, в пустыне... Василий Петрович, ведь это динозавры!² Такой сохранности! Это первая находка в Союзе. Нужно что-то сделать, чтобы отблагодарить этих чабанов.

— Эх, вы думаете премию? Да они, мой дорогой, побогаче всех нас! Спрашивали, не нужно ли нам чего от их колхоза... Нет, тут чистый интерес к науке. Они завтра придут опять, хотя с вами встретиться и еще принесут какое-то сыляу³. Ну-ка, давайте дыньку разрежем да рассудим на досуге.

С ломтем ароматной дыни в руке Никитин присел на корточки перед огромной картой на стене кабинета, вглядываясь в левый нижний угол, испещренный мелкими точками — знаком грозных песков. Старый ученый перегнулся в кресле, следя за пальцем Никитина.

— Это огромное поле костей динозавров примерно здесь, — говорил палеонтолог. — Триста пятьдесят километров от родников Талды-сай. Поблизости колодцы Биссекты. Ехать придется песками до бугров Лайили. Дальше — каменистая пустыня и местами степь...

Ослепительный солнечный свет, отражаясь от белых стен низких построек, сверлил и резал непривычные глаза. Никитин, болезненно щурясь, шел через просторный двор товарной станции по мягкому ковру желтой пыли.

Три повенькие автомашины уже выехали из ворот и стояли гуськом у края дороги, поджидая начальника. Высоко горбились их белые брезентовые верха, на светлосером, еще блестящем лаке уже лежала красноватая пудра пыли. Вдоль дороги, в ту же сторону, куда были по-

¹ Пустынный загар — блестящая черная корка, которой покрываются долго находящиеся на поверхности в пустыне камни, даже кирпичи в развалинах старых городов.

² Динозавры — в переводе с греческого «страшные ящеры». Очень разнообразная группа большей частью крупных пресмыкающихся, населявших землю в мезозойскую эру.

³ Сыляу — дружеский дар в Средней Азии.

вернуты машины, по крупным камням широкого арыка, журча, стремилась чистая вода, словно смеясь над зноем и пылью. И в тон ей тихо журчали на малых оборотах заведенные моторы машин.

Никитин с гордостью осмотрел свою колонну — быстрый караван, служивший его любимой науке. Молодой ученый сел в кабину передней машины; хлопнула дверца; косым столбом взвилась и зазолотилась пыль. Машины пошли в город белых домов и зеленых аллей, раскинувшийся у северного склона опаленных солнцем холмов.

Никитин, возвращаясь с позднего заседания, медленно шел вдоль тихо шепчущего арыка. У домов, под густой листвой деревьев, стало темно. Он вышел на пыльную дорогу, казавшуюся светлой рекой.

Прямо перед ним выскользнула из тени аллеи, легко перескочила арык и пошла по дороге девушка в белом платье. Голые загорелые ноги почти сливались с почвой, и от этого казалось, что девушка плывет по воздуху, не касаясь земли. Две толстые черные косы, резко выделяясь на белой материи, тяжело лежали на ее спине и спускались до половины бедер своими распушившимися концами.

Глядя на быстро удалявшуюся легкую фигурку, Никитин остановился, поддавшись минутной задумчивости, потом зашагал быстрее и скоро очутился у больших дощатых ворот приютившего экспедицию дома.

На обширном дворе, освещенном электричеством, Никитин увидел всех участников своей экспедиции, собравшихся у машин. Люди весело смеялись над чем-то, даже угрюмый старший шофер добродушно ухмылялся.

К Никитину быстро подошла черноглазая Маруся — пре-паратор экспедиции, на-днях выбранная парторгом.

— Где вы пропадаете, Сергей Павлович? Мы собрание решили провести, а вас нет. Ждали-ждали, да как-то само собой и началось.

— Веселое собрание! — улыбнулся Никитин.

— Все из-за названий машин, — отозвалась Маруся.

— Каких названий?

— Вы знаете, мы решили начать соревнование между экипажами машин. А тут Мартын Мартынович и предложил: для удобства дать имя каждой машине.

— И на чем же порешили?

В разговор вмешался Мартын Мартынович — пожилой датыш в круглых очках, специалист по раскопкам.

— Вашу называли «Молния», а две другие — «Истребитель» и «Динозавр».

Мощный гудок в три тона раздался на улице; в воротах вспыхнули и снова погасли фары черного ЗИСа.

Никитин пошел навстречу секретарю обкома, с которым уже встречался по делам экспедиции.

— Недурно устроились, — огляделся тот. — Когда же в дорогу?

— Послезавтра.

— Отлично, товарищ Никитин. А у меня к тебе просьба... — Секретарь сделал паузу. — Я прямо с заседания... Там, как раз у Биссектов, оказывается, есть месторождение асфальта. Необходимо исследовать. Мои геологи настаивают... Короче, нужно захватить сотрудника из Геологического управления...

Никитин озабоченно нахмурился, секретарь взял его под руку, и оба пошли в глубину двора.

— Как будто все?

— Все, Сергей Павлович. Можно приступать к погрузке.

— Действуйте вместе с Мартыном Мартыновичем. На нашу «Молнию» — передовую — горючее и инструменты, на «Динозавра» — горючее, доски и оборудование лагеря, на «Истребителя» — воду, продукты и резину.

В низкую открытую дверь врывалось знойное дыхание дня. Никитин собирал в сумку разбросанные по столу бумаги, торопясь на телеграф.

— Можно? — раздался со двора мягкий женский голос.

В слепящем ярком четырехугольнике двери возник стройный черный силуэт, обведенный горящим ореолом по освещенному краю белого платья. Пришедшая слегка наклонилась, вглядываясь в полумрак комнаты, и перед Никитиным мелькнули вчерашние черные косы.

Смутное предчувствие чего-то хорошего заставило забиться сердце Никитина. Он поднялся навстречу гостье, державшей в руке небольшой чемоданчик, и знакомство состоялось.

— Мириам — а дальше как? — спросил палеонтолог.

— Ташмурадова, но достаточно Мириам, — улыбнулась девушка.

— Так вас не пугает, Мириам, что экспедиция наша трудная и далекая?

Черные глаза насмешливо блеснули.

— Нет, не пугает. Ваша экспедиция так снаряжена... Вчера диспетчер заявил мне, что эта поездка может заменить путевку на курорт.

— Ну хорошо, — Никитин протянул ей руку. — Выберите себе машину, какая понравится.

— Мне, если можно, на «Истребитель», к Марусе, — попросила девушка.

— Как это женщины успели сговориться? — рассмеялся палеонтолог, выходя во двор вместе с Мириам. — Да, — спохватился он, — ведь я, собственно, с вами познакомился еще вчера вечером, на улице Энгельса...

Он поклонился и пошел к воротам, а девушка недоуменно посмотрела ему вслед.

Машины шли гуськом, раскачиваясь и ныряя по бездорожью. Сероватая плоская степь, поросшая полынью, сгорала под высоким солнцем. Однообразным, бескрасочным было блеклое грозное небо без единой тучки, тяжело нависшее над равниной. Четыре дня ровно шумели моторы. Несмотря на медленный ход машин, экспедиция удалилась на четыреста километров от белого города и железной дороги.

На протяжении четырехсот километров, развертываясь, высокие барханы песков сменялись каменистыми холмами, ровной полынной степью, желто-белыми солончаками.

Надрывно скрежетали шестерни передач. Гудели моторы, черные круги рулей скользили в потных, усталых руках шоферов. И летели, летели легким сизым дымком в необъятную степь сотни литров драгоценного бензина.

Только один раз на этом пути, поздним вечером, из-за высоких холмов встало приветливое зарево электрического света — серный завод. А дальше лишь изредка попадались круглые войлочные юрты — временное жилье человека здесь, где вечна лишь неизменная и безличная пустыня...

Миновав завод, ехали долго, пользуясь яркой луной и

последним участком сносной дороги. Гладкие такыры¹ блестели в лунном свете, как бесчисленные маленькие озера; машины ускоряли ход на их твердой поверхности. Ночью степь казалась таинственной и приветливой.

Никитин дал распоряжение остановиться на ночлег только тогда, когда машины снова начали нырять, вздымая густую пыль на кочковатой поверхности пухлых глин.

Ярко осветили бивак электрические лампочки, прицепленные к задкам автомобилей. Но место ночлега оказалось неприветливым. Ноги проваливались, как в плотный снег, в кочковатую пыльную почву, из которой кое-где торчали хрупкие голые стебли какой-то высохшей травы.

Впереди, едва различимые за завесой лунного света, виднелись бугры Лайили — начало наиболее безводной каменистой пустыни, скрывающей в своей глубине кладбище ископаемых чудовищ.

За бесконечными рядами бугров, усыпанных серым щебнем, особенно сильно чувствовалась оторванность от мира. В неисчислимых поворотах, объездах, спусках и подъемах экспедиция потерялась, словно ушла в небытие. Три серые машины миновали холмы и вышли на мертвую бескрайнюю равнину, занесенную тонким слоем мелкого песка. Над пустыней дрожала дымка разогретого воздуха, дрожащие струи которого скрывали и затушевывали неприглядный пейзаж.

Перед участниками экспедиции возникали манящие голубые озера, чудесные роши, мерцающие вдали зубцы снежных гор. Иногда перед тупыми носами машин совсем близко плескалось море, легкие туманные волны взметывали белую пену... Через несколько минут на месте моря появлялись ряды белых домов, затененных густыми деревьями, похожие на оставшийся далеко на юге, за песками, город. Да и очертания самих машин, такие строгие и отчетливые, расплывались, то удлиняясь до невероятных размеров, то, наоборот, росли в высоту и вздымались подобно исполинским слонам.

Темнело. В последний раз в багровых лучах заката

---

¹ Такыр — участок степи, покрытый засохшей гладкой и твердой глиной, без растительности.

показались высокие голубые и зеленые башни нового призрачного замка и исчезли.

«Молния», вздымая столбы пыли и далеко освещая равнину своими сильными фарами, продолжала путь во главе колонны — здесь можно было ехать и ночью. «Динозавр» и «Истребитель» отстали, чтобы не тонуть в скрывающей дорогу пыли, как это всегда делалось при езде по пыльной местности.

Равномерно шумел мотор, навевая сон. Никитин заснул, сидя в кабине, но был скоро разбужен резкими гудками шедшего позади «Динозавра». «Молния» остановилась; медленно подошли две другие машины.

— Что случилось? — спросил Никитин у водителя «Динозавра».

— Не могу ехать, товарищ начальник, — смущенно ответил шофер. — Мерещится разная чепуха...

— Что такое?

— Да ведь верно, Сергей Павлович, — поддержал шофера Мартын Мартынович. — Днем миражи видятся вдали, а сейчас — прямо под носом, ужас берет.

— Но я-то еду! — бросил старший шофер, водитель «Молнии».

— Ты едешь впереди, Владимир, — сказал подошедший шофер «Истребителя», — а мы за твоей пылью. Фары на пыль светят, и чорт те что видится. Нельзя ехать.

— Чушь городите! — обозлился старший шофер. — Я знаю, иной раз на пыли мерещится. Но чтобы ехать нельзя было...

— Попробуй сам, давай я вперед поеду! — обиженно крикнул водитель «Динозавра».

— Ладно, давай, — угрюмо согласился старший.

Люди разошлись по кабинам, зажужжали стартеры. «Динозавр», покачивая высоким верхом, медленно миновал «Молнию» и исчез в туче пыли, набирая ход. Водитель «Молнии» подождал, пока пыль, осев, не начала золотиться редкими пылинками в лучах фар, и двинулся следом.

Заинтересованный Никитин следил за дорогой, протерев ветровое стекло. Несколько километров они пролетели, ничего не встретив, и шофер начал насмешливо фыркать, что-то бурча себе под нос. Машина шла ровно, внимание стало ослабевать. Вдруг Никитин почувствовал, что водитель резко повернул руль и машина вильнула в сторону. Впереди отчетливо виднелась огромная круглая яма, обло-

женная белыми изразцами. Никитин изумленно протер глаза — по обе стороны коридора, проложенного светом фар, в кружившихся пылинках выстроились ряды высоких домов. Видение было так правдоподобно, что палеонтолог вздрогнул и тут же услышал злобное «тьфу» шофера.

Дома исчезли, степь разбежалась узором черных и желтых полос, а на дороге зияла черная трещина. Стиснув зубы, шофер вцепился в руль, стараясь преодолеть обман зрения. Несколько минут — и впереди выгнулся невероятно крутой сводчатый мост, совершенно ясно видимый, настолько реальный, что Никитин тревожно повернулся к шоферу, но тот уже тормозил машину. Сзади раздавались настойчивые сигналы «Истребителя». Остановив машину, шофер покурил, промыл глаза, поднял стекло и упрямо двинулся дальше. И снова перед машиной вставали все новые пыльные призраки, пугающие, близкие и реальные. Нервное напряжение росло. «Молния» тормозила и вертелась в попытках избежать несуществующие препятствия, и наконец шофер застонал, плюнул и, остановив машину, стал сигналить «Динозавру» о сдаче. Когда улеглась пыль, подошел и давно уже остановившийся «Истребитель».

На стоянках безумный, призрачный мир исчезал. Ночь раздвигала горизонт в темную бесконечность. Огромные звезды спокойно светились, и привычные очертания созвездий радовали своей неизменностью. А днем в рокоте моторов и покачивании машин вновь мерцали и переливались фантастические видения. И все начинало казаться несуществующим.

Никитин очень обрадовался, когда из-за переливчатой стены очередного миража внезапно поднялись угрюмые, черные контуры гор Аркарлы. Сперва их вершины долго держались на уровне пробки радиатора «Молнии», потом они стали быстро вырастать, закрывая собой весь горизонт на северо-западе. Проводник показал на испещренную трещинами гору, чей крутой передний склон имел очертания правильной трапеции. «Молния» немедленно направилась прямо к ней. Почва опять становилась неровной, вздымаясь каменными валами все выше и выше.

Но вот наконец, кренясь на склоне, «Молния» сделала поворот, закрипели тормоза, и машина медленно спусти-

лась на обширную равнину — дно огромной древней межгорной впадины.

С запада угрюмо торчали темные утёсы, обрывистые склоны восточных холмов были сложены яркочерными песчаниками. В высоте над равниной медленно кружились два орла.

По указанию проводника, экспедиция двинулась вдоль красных утесов к северу. Там, в месте стыка темных и красных пород, должен был находиться родник Биссекты с выкопанным в незапамятные времена колодцем.

Ровная поверхность долины была кое-где изборозжена неглубокими промоинами и обильно усеяна гладкой галькой, покрытой пустынным загаром. Эти гальки придавали почве неестественно темный цвет, на фоне которого мириадами огоньков сияли на солнце бесчисленные кристаллы прозрачного гипса, рассыпанные между гальками.

— Стой, стой! — вдруг закричал Никитин и быстро выскочил из машины; следом за ним ринулись его верные помощники, тоже увидевшие ископаемых.

Слева от пути машин лежали под углом друг к другу два больших ствола окаменевших деревьев. В ярком солнце отчетливо выступали их прямослойная древесина и следы сучьев. Вокруг стволов и дальше к западу были разбросаны огромные кости с темной блестящей поверхностью.

Восхищенные исследователи рассыпались по равнине. С волнением они отыскивали все новые и новые сокровища.

Превосходно сохранившиеся кости гигантских ящеров покрывали большую часть долины. Палеонтологи с радостными восклицаниями бросались то в одну, то в другую сторону. Шоферы и рабочие заразились их энтузиазмом и приняли участие в осмотре, весело удивляясь необыкновенному зрелищу.

Только часть костей свободно лежала на поверхности, другие еще находились в темном песчанике и гальке. Кости торчали повсюду в промоинах, переполняли обнаженную на бугорках породу, громоздились целыми скоплениями.

Знатные пастухи были совершенно правы — они открыли невиданное по размерам кладбище гигантских вымерших ящеров, где скопились остатки сотен тысяч разнообразных животных.

Странное впечатление производила эта раскаленная черная, безжизненная долина, заваленная исполинскими костями. Невольно на ум приходили древние легенды о битвах драконов, о могилах великанов, о скопищах погубленных потоком гигантов. Сразу становилось понятным и возникновение этих легенд, несомненно имевших своей основой подобные открытые скопления огромных костей.

- Не прибавилось?
- Нет, Сергей Павлович!
- Нужно копать еще глубже.
- Глубже некуда, там пошла скала.
- Скала!

Никитин бросил записи, вскочил и устремился к роднику. Убедившись в правоте латыша, палеонтолог почувствовал, как внутри у него что-то оборвалось. Скрывая страх, Никитин медленно пошел от лагеря к горам, чтобы поразмыслить наедине.

Страшное открытие пришло уже на вторые сутки их пребывания в долине: количества воды, даваемой родником Биссекты, нехватало для экспедиции. Если воды было достаточно для двух-трех путников с их верблюдами, ее было мало для большой экспедиции с рабочими и машинами. Может быть, родник и был хорош сто лет тому назад, а теперь иссяк. Пришлось начать аварийный запас. А вода на обратный путь?! Нужно, бросив все, как можно скорее пробиваться на восток — в двухстах километрах отсюда, наверное, есть хорошие колодцы. Если привезти воду оттуда? Но тогда нехватит горючего на возвращение.

Ошеломленный внезапным ударом судьбы, ученый остро почувствовал всю свою беспомощность перед окружающей беспощадной природой. Что может сделать он, вся его великолепно снаряженная экспедиция без воды? Откуда взять ее здесь, в опаленных камнях, оживляемых только крохотной струйкой древнего колодца?

Попытки расчистить источник ни к чему не привели. Неужели эта неожиданная беда сорвет всю так тщательно организованную экспедицию, лишит успеха, заставит рисковать людьми?

Погруженный в безотрадные думы, Никитин машинально углубился в горы. Он тихо шел вверх по небольшому ущелью, глубоко врезавшемуся в черный бок седловидной горы. Накаленные черные обрывы обдали уче-

ного душным жаром. Никитин остановился и увидел Мириам.

Девушка сидела на камне, подобрав ноги и изогнув тонкий стан. Она держала на коленях раскрытую записную книжку и так глубоко задумалась, что не слыхала медленного приближения Никитина. Тяжелые косы, казалось, обременяли ее склоненную голову, лицо было обращено к туманящейся жаркой дали. Весь облик девушки и ее поза вдруг поразили палеонтолога соответствием с окружающей природой. Никитин впервые почувствовал, что Мириам — дитя своей страны: от нее веяло спокойной твердостью, скрытой под маской внешней покорности. Никитин застыл на месте, боясь потревожить Мириам и нарушить это острое и сильное впечатление.

Страна палящего мертвого простора, где ничего не дается сразу... Только упорный труд многих поколений приносит победу над жестокой природой. Итти напролом в страстном порыве нельзя, этот путь не приведет здесь к цели. Нужно медленно, терпеливо и верно продвигаться вперед, быть всегда наготове для борьбы с новыми и новыми трудностями, подавляя волей свойственную каждому человеку жажду чудесного, внезапного счастья...

Девушка, почувствовав взгляд Никитина, оглянулась, вскочила и пошла к нему навстречу. Мириам пытливо заглянула в глаза молодого ученого.

— Что с вами, Сергей Павлович? — как всегда медленно, произнесла она.

Ученый уловил неподдельную заботу в ее тоне. В безотчетной потребности быть откровенным с ней он рассказал Мириам о крахе, ожидающем экспедицию. Девушка молчала и, только когда они возвращались обратно, у самого лагеря, смущаясь, сказала будто сама себе:

— Я слыхала, что в прошлом году при работах на Дюрт-Кыре удалось увеличить дебит¹ источников... — Мириам сделала паузу, — с помощью динамита. Вот если бы у нас был...

— Чорт возьми, ведь аммонал у нас есть! — вскричал Никитин. — Подорвать место выхода родника — это не всегда помогает, но иногда получается! Совсем упустил из виду... Попробуем сейчас же! — повеселел палеонтолог, убыстряя шаги. — Рискнем на самый большой заряд.

---

¹ Дебит — приход, здесь — приток воды.

Громовый удар взрыва потряс мертвые горы. Высокий столб пыли взвился над родником, и несколькими секундами позже что-то со страшным грохотом обрушилось в горах. Все участники экспедиции бросились к роднику и стали молча разбирать завал породы, снова раскапывая выход ключа. Еще тише стало в лагере, когда Никитин и Мириам начали замерять приток воды. Начальник экспедиции вдруг выпрямился.

— Спасибо, Мириам! — Он схватил руку девушки и крепко пожал.

— Качать Мириам! — раздался дружный крик.

Девушка стрелой помчалась искать спасения за спиной старшего шофера. Тот, расправив могучие плечи, грозно заявил:

— Не дам!

— Как ваши дела с асфальтом, Мириам? — весело спросил Никитин.

— Здесь очень интересное месторождение, Сергей Павлович. Это не асфальт, а какая-то особенная, очень твердая смола.

— Покажите мне ее завтра, хорошо? А сейчас советую познакомиться и с нашими успехами.

На равнине повсюду виднелись горки нарытой земли. Поднимался легкий дымок костра, на котором варился жидкий столярный клей. Мартын Мартынович в одних трусах, загорелый до черноты, усердно пропитывал клеем рыхлые кости. Ближе к центру равнины работало несколько человек. Большая площадка расчищенной сверху породы была обрыта глубокими канавками. Двое рабочих осторожно ковыряли рыхлый песчаник большими ножами, разделяя окопанную глыбу на три части. Маруся доканчивала расчистку черепа, поливая шеллаком¹ поврежденные участки.

Никитин подвел Мириам к глыбе, и удивленная девушка увидела на ее поверхности распластавшийся скелет огромного ящера. Он лежал на боку, подвернув длинный хвост и скрестив тяжелые задние лапы. На позвонках, ребрах, даже на тупых копытцах — всюду виднелись четко написанные цифры. Череп чудовища, около двух метров длины, на затылке переходил в огромный костяной

¹ Шеллак — индийская смола; после растворения в спирте дает прочный лак.

воротник, усаженный тупыми шипами. Над глазами торчали два длинных, косо направленных вперед рога, третий рог сидел на носу, а морда оканчивалась огромным клювом.

— Это трицератопс — трехрогий травоядный динозавр, хорошо вооруженный против хищников, — пояснил Никитин. — Скелет сохранился полностью, и мы его разделим на три части, заделаем в крепкие рамы, — палеонтолог указал на приготовленные брусья, — зальем гипсом и увезем в виде тяжелых монолитов, чтобы окончательно освободить от породы уже на месте, в лаборатории.

— Каковы же были хищники, если против них такое страшное вооружение? — спросила Мириам.

— Хищники! — воскликнул палеонтолог. — Ну вот, например, — и он выбрал из ящика плоский зуб с загнутой верхушкой и пильчатой нарезкой по обоим краям, около пятнадцати сантиметров в длину. — Это тиранозавр¹, владыка ящеров, ходивший на задних лапах исполин... Скоро переждем с раскопками к самым горам, — продолжал ученый, — там Мартын Мартынович нашел сразу три скелета панцирных динозавров с костяной броней, усаженной шипами. Настоящие танки, только без пушек, в отличие от современных танков, которые являются оружием нападения. Ведь доля травоядного животного — только пассивная защита: оно прячется за броней или выставляет рога, не нападая само.

Не доходя до восточного ущелья, Мириам свернула налево и повела Никитина вдоль подножия горы, между разбросанных каменных глыб.

Перед палеонтологом и его спутницей неожиданно встала плотная стена красновато-черных пород. Ее просекал узкий проход, похожий на след от удара исполинского меча. По обе стороны этой каменной щели возвышались две скалистые башни, высоко вверху снабженные нависавшими над проходом выступами.

Узкий проход был прям, как ружейный ствол, с гладкими, словно отполированными стенами. Пройдя по нему несколько десятков шагов, Мириам и Никитин попали в просторную долинку, замкнутую со всех сторон крутыми утесами. Противоположная проходу сторона изгибалась

---

¹ Тиранозавр — в переводе с греческого «владыка ящеров», самый крупный из всех хищных динозавров.

правильным полукругом, в самой середине которого выступал огромный куб очень твердого бурого песчаника. Подножие куба утопало в гряде плоских, повидимому недавно обрушившихся глыб, а на скошенной поверхности блестело громадное черное зеркало. Палеонтолог в недоумении осматривался вокруг.

— Месторождение асфальта, — тихо заговорила Мириам, — вернее, затвердевшей смолы, здесь. Смола залегает ровными слоями в твердых железистых песчаниках, по всей вероятности, отложенных ветром, — нечто вроде древних дюн. Когда мы взорвали источник, здесь обвалились скалы и открыли свежий пласт ископаемой смолы. Его гладкая поверхность еще не повреждена выветриванием и блестит, как зеркало.

— Когда, по вашему мнению, отлагались смола и песчаник? — быстро спросил палеонтолог.

— Примерно одновременно с костями динозавров, — ответила Мириам. — Все эти отложения накапливались тут, в долинах этих древних гор, и остались почти неприкосновенными.

Никитин одобрительно кивнул головой и уселся на крупный хрустящий песок. Девушка устроилась напротив в своей любимой позе, поджав под себя ноги.

В закрытой со всех сторон долине почему-то было не очень жарко. Удивительная тишина стояла вокруг. Едва слышно, точно далекие хрустальные колокольчики, звенели сухие травы, росшие на дне этого естественного горного зала. Никитин впервые в жизни услышал их шелестящий печальный зов и удивленно посмотрел на Мириам. Девушка наклонила голову и приложила палец к губам. Вскоре в этот слабый, точно призрачный звон вплелись такие же безмерно далекие, редкие аккорды низкого тона — голоса кустарников, окаймлявших подножие кольца скал.

Под эту едва различимую музыку молчаливой пустыни Никитин погрузился в глубокую задумчивость.

Травы звенели и звали заглянуть в глубину природы, говорили о том скрытом, что обычно проходит мимо нашего сознания, притупленного укоренившимися привычками и лишь в редкие минуты жизни раскрывающегося с настоящей остротой.

Никитин думал о том, что природа безмерно богаче всех наших представлений о ней, но ее познание никогда не дается даром. В тесном общении, в постоянной борьбе

с природой человек подходит вплотную к ее скрытым тайнам. Но и тогда нужно, чтобы душа была ясной и чистой, подобной тонко настроенному музыкальному инструменту, и она отзовется на звучание природы...

Медленно поднял Никитин свой взгляд и увидел устремленные прямо на него глаза Мириам. Палеонтологу неловко поднялся на ноги и голосом, показавшимся ему самому грубым, погасил нежные зовы засохшей травы:

— Пора итти, Мириам!

Девушка безмолвно встала.

Уходя, Никитин с удовольствием оглядел полную покоя долинку.

— Что же вы раньше не говорили об этом хорошем месте? — укорил он девушку.

— Вы были поглощены своей работой, — тихо ответила Мириам.

— Я перенесу лагерь к подножию каменных башен завтра же, — решил Никитин. — Кстати, главные раскопки теперь будут совсем рядом.

Уверенным, щегольским ударом Мартын Мартынович югнал последний гвоздь в длинный ящик.

— Конец, Сергей Павлович! — весело воскликнул латыш и вытер потное лицо.

— Конец, — откликнулся Никитин. — Завтра отдых и сборы, вечером в путь — домой! Больше задерживаться нам нельзя.

— Сергей Павлович, — просительно вмешалась Маруся, — вы давно уже обещали рассказать про этих... — девушка показала на лежавшие повсюду ящики, — зверей, да все некогда было. Что бы сегодня? Еще три часа только.

— Хорошо, после обеда пойдем в ту долинку, там побеседуем, — согласился начальник экспедиции.

Все четырнадцать человек сотрудников внимательно слушали своего начальника. Никитин говорил хорошо, с подъемом. Он рассказал, как еще в древние эпохи развития наземной жизни медленно, в миллионах поколений совершенствовался организм животного, как появлялись подчас причудливые, странные формы четвероногих земноводных и пресмыкающихся. Как в борьбе за существование, в преодолении влияния окружающих условий по-

степенно отмирали все менее совершенные, менее жизнедеятельные виды; жестокая гребенка естественного отбора прочесывала поток поколений во времени, отмечая все слабое и непригодное.

К началу мезозойской эры¹, около ста пятидесяти миллионов лет назад, на древних материках повсюду расселились пресмыкающиеся, и одновременно от них же возникли наиболее совершенные из всех животных — млекопитающие, развившиеся в суровых условиях конца палеозойской эры¹. Но вскоре сравнительно резкий и сухой климат повсюду сменился влажным и жарким, обильная пышная растительность покрыла сушу. Эти условия существования были более легкими, более благоприятными, и вот по всей земле распространились огромные пресмыкающиеся. Они завоевали сушу, море и воздух, достигли небывалой величины и численности.

Гигантские травоядные для защиты от хищников имели чудовищные рога или броню из костяных шипов и щитков. Другие, не защищенные броней, прятались в воде прибрежных морских лагун или озер. Они достигали двадцати пяти метров длины и шестидесяти тонн веса. В воздухе реяли летающие ящеры; из всех летающих животных они имели наибольшее удлинение крыла и, следовательно, были лучшими летунами.

Хищники ходили на задних ногах, опираясь на толстый хвост. Их передние лапы превращались в слабые, почти ненужные придатки. Для нападения служила огромная голова с большими острыми зубами в пасти. Это были чудовищные треножники, до восьми метров высоты, безмозглые боевые машины страшной силы и беспощадной свирепости.

В окружении исполинских ящеров жили древние млекопитающие — маленькие зверьки, похожие на ежа или крысу. Пресмыкающиеся в благоприятных условиях мезозойской эры подавили эту прогрессивную группу животных, и с этой точки зрения мезозой был эпохой мрачной реакции, длившейся около ста миллионов лет, замедлившей прогресс животного мира. Но едва только начали вновь изменяться климатические условия, стала происхо-

---

¹ Мезозойская эра, палеозойская эра — большие отделы истории Земли. Эра средней жизни — 60—170 миллионов лет назад, эра древней жизни — 170—600 миллионов лет назад.

дять смена растительности — сразу же плохо пришлось громадным ящерам. Травоядные великаны требовали обильной, легко усвояемой пищи. Изменение кормовой базы явилось катастрофой для травоядных и одновременно для гигантских хищников. Естественный баланс животного населения резко нарушился. Произошло великое вымирание пресмыкающихся и бурный расцвет млекопитающих, которые стали хозяевами Земли и в конце концов дали мыслящее существо — человека.

— Представьте себе на миг бесконечную цепь поколений без единой мысли, прошедших за эти сотни миллионов лет, — закончил палеонтолог, — все невообразимое число жертв естественного отбора по слепому пути эволюции...

Ученый умолк. Высоко в уже посиневшем небе раздался клекот орла. Слушатели продолжали тихо сидеть, глядя на палеонтолога.

Никитин задумчиво улыбнулся и снова заговорил:

— Да, величие моей науки — в необъятной перспективе времени. В этом отношении палеонтология сравнима разве только с астрономией. Но у палеонтологии есть одна слабая сторона, очень слабая, мучительная для стремящихся к глубокому познанию: неполнота материала. Только очень малая часть ранее живших животных сохраняется в пластах земной коры и сохраняется лишь в виде неполных остатков. Возьмем наши раскопки — мы добыли только кости. Правда, по этим костям мы можем восстановить полный внешний облик животных, но только в известных пределах. Хуже всего то, что мы никогда не сможем узнать в подробностях внутреннее строение животного, полностью представить его живым. Тем самым мы никогда не сможем проверить точность наших представлений, установить ошибки. Физические законы незыблемы. Сила человеческого разума и заключается в том, чтобы прямо взглянуть им в лицо, не обольщаясь сказками...

Глубокая тоска зазвучала в голосе Никитина, передаваясь слушателям. Палеонтолог резко встал.

— Ничего! Для вас, неискушенных в пределах знания, остается вольная и могучая фантазия писателей. Не стесненные узостью точных фактов, они ярко и убедительно воскрешают исчезнувший животный мир. Советую вам прочитать «Затерянный мир» Конан-Дойла и «Борьбу за огонь» Рони-Старшего. Это мой любимый писатель, кото-

рый даже на палеонтолога может действовать силой своего воображения, прекрасным описанием древней жизни, удачно схваченной тенью минувшего... — Палеонтолог, увлекшись, начал цитировать: — «Вместе со сгустившимися сумерками упала смутная тень минувшего, и по степи, весь красный, катился злобещий поток...»

Легкий вскрик Маруси заставил ученого прервать цитату и обернуться. В следующее мгновение дыхание его остановилось, и он замер, потрясенный.

Над отливающей синью плитой ископаемой смолы встал, откуда-то из ее черной глубины, гигантский зелено-серый призрак. Громадный динозавр замер неподвижно в воздухе, над верхним краем скалистого обрыва, вздыбившись на десять метров над головами остолбеневших людей.

Чудовище высоко несло свою горбоносую голову; большие глаза тускло и мрачно смотрели куда-то вдаль; безгубая широкая пасть обнажала длинный ряд загнутых назад зубов. Спина животного, слегка согнутая, круто спадала в невероятно мощный хвост, подпиравший динозавра сзади. Огромные задние лапы, согнутые в суставах, не уступали в мощности хвосту, подобные двум колоннам, трехпалые, с широко распластанными пальцами, вооруженными кривыми исполинскими когтями. И почти под самой шеей, на наклонно нависшей над землей передней части туловища, нелепо и беспомощно торчали две тонкие когтистые передние лапки, такие крошечные по сравнению с гигантским туловищем и головой.

Призрак стоял не колеблясь; сквозь него просвечивали черные утесы гор, и в то же время можно было различить малейшую подробность тела животного. Испещренная мелкими костными бляшками спина чудовища, его шероховатая кожа, местами обвисшая тяжелыми складками, странный вырост на горле, выпуклости исполинских мышц, даже широкие фиолетовые полосы вдоль боков — все это придавало видению изумительную реальность. И неудивительно, что пятнадцать человек стояли онемевшие и ошаренные, пожирая глазами гигантскую тень, реальную и призрачную в одно и то же время.

Прошло несколько минут. В неуловимом повороте солнечных лучей видение неподвижного динозавра растаяло и угасло. Перед людьми не было ничего, кроме черного зеркала, потерявшего синий отлив и отблескивавшего медью.

Громкий вздох вырвался одновременно у всех. Никитин облизал пересохшие губы.

Долгое время никто не был в состоянии произнести хотя бы слово. Невероятное появление призрака чудовища разрушило все установленные образованием и жизненным опытом представления. Каждый чувствовал, что в его жизнь неожиданно ворвалось нечто совсем необычайное. Более всех потрясен был сам Никитин — ученый, привыкший анализировать и объяснять загадки природы. Но сейчас никакое разумное объяснение происшедшего не приходило ему в голову.

Все терялись в догадках. Лагерь шумел до поздней ночи, пока наконец Никитин не успокоил страсти заявлением, что в этой стране миражей нет ничего удивительного увидеть мираж чудовищного ископаемого. Этот призрак, по определению Никитина, не мог быть никем иным, как тиранозавром.

Гудели проверяемые перед дальней дорогой моторы. Голубоватый дымок стлался над коричневыми галечками равнины.

Никитин взглянул на часы и поспешно направился к узкой щели в скалах.

Черное зеркало взглянуло на него глубоко и бесстрастно. Прежней тишины не было в этом месте покоя — из-за скалистых стен неся шум моторов. Неясное ощущение чего-то оборвавшегося, утраченного охватило Никитина. Он ожидал появления вчерашнего призрака, но призрак не появлялся. Должно быть, Никитин неточно заметил время его появления и опоздал.

Сожалея об упущении и сам удивляясь силе своего огорчения, Никитин долго стоял перед грудой камней, образовавших пьедестал зеркала. Позади него послышался хруст песка — Мириам быстро подошла к нему.

— Мартын Мартынович говорит, можно ехать. Я вызвалась сбегать за вами... захотелось еще раз взглянуть... — отрывисто и быстро проговорила запыхавшаяся девушка.

— Сейчас иду, — нерешительно отозвался палеонтолог, помолчал и добавил: — Подождите, Мириам!

Девушка послушно приблизилась и стала, так же как и он, всматриваться в черное зеркало.

— Что вы будете делать, когда вернетесь, Мириам? — вдруг спросил Никитин.

— Работать, учиться, — коротко ответила А вы?

— Тоже работать — над этими динозаврами... — учений запнулся и неожиданно резко закончил: — о нашей экспедиции.

Мириам опустила голову, ничего не ответив.

— Если бы я была на вашем месте, я бы все силы отдала на решение загадки с призраком динозавра. Ведь это не просто мираж... — заговорила она через минуту.

— Я и сам знаю, что не мираж! — недовольно воскликнул Никитин. — Но ведь я только палеонтолог. Если бы я был физиком...

Никитин оборвал разговор с неясной досадой на самого себя и подошел ближе к пласту удивительной окаменевшей смолы. Он долго вглядывался в его черную безответную глубину, и почти нестерпимое, дикое желание нарастало в его душе. На секунду раскрылась непроницаемая, недоступная человеку завеса времени. Из всего огромного числа людей только ему и его спутникам было дано заглянуть в прошлое. И из них только он достаточно вооружен знаниями, опытом научной работы. Мириам права... Никитина охватило властное стремление раскрыть тайну природы.

Внезапно Никитин сообразил, что видит какие-то серебристые тени, всплывающие из черной глубины. Палеонтолог стал вглядываться уже осмысленно, напрягая зрение и внимание. Разрозненные части быстро сложились в неясное, но цельное изображение; оно было подобно плохо проявленному снимку огромных размеров. В центре проступала перевернутая фигура вчерашнего тиранозавра, однако сильно уменьшенная, слева виднелась группа огромных деревьев, а позади и внизу совсем смутно угадывались вершины каких-то скал.

Достав записную книжку, Никитин окликнул Мириам и стал зарисовывать новое призрачное видение. Оба жадно вглядывались в серебристо-серые тени, но изображение не становилось яснее. Скоро перед уставшими от напряжения глазами поплыли световые пятна, и снова глубокая чернота зеркала стала слепой и беспредметной.

С усилием Никитин заставил себя уйти из загадочного места. Он сознавал, что следовало бы остаться еще на несколько дней для наблюдений за зеркалом.

По редкому капризу судьбы, ему довелось встретиться с невероятным, из ряда вон выходящим явлением. Очень скоро, может быть через несколько дней, солнце и ветер разрушат гладкую поверхность слоя смолы, и навсегда исчезнет загадка, так и не понятая им. Долг ученого — да что долг! — весь смысл существования — не упустить случайно открывшееся ему, передать всем людям.

И, вопреки всему, приходится оставить чудесное окно в прошлое у далеких, труднодоступных гор. У него больше нет времени. Оттягивать отъезд опасно, и без того для полноты раскопок экспедиция работала до последнего дня. Впереди — трудный обратный путь с перегруженными машинами. Рисковать из-за полубредового, необъяснимого видения человеческими жизнями, доверенными ему? Нет, нельзя.

Никитин быстро, почти бегом вернулся к машинам.

Подойдя к «Молнии», он еще раз оглянулся на Мириам. Она неподвижно стояла у «Истребителя», повернувшись к входу в ущелье. Это было последним впечатлением палеонтолога, которое он увозил с собой, покидая это загадочное место.

— Поехали! — громко крикнул он и, захлопнув дверцу кабины, стал смотреть, как засверкали, убегая под крылья машины, искры гипса в долине костей.

Холодный, пасмурный свет быстро мерк в свинцовом небе. Сквозь двойные рамы виднелась черная обледенелая крыша с большими пятнами снега. Выходивший из трубы дым срывало резкими порывами ветра.

Никитин отодвинул книгу и выпрямился в кресле, охваченный глухой тоской.

Упрямый разум ученого не хотел сдаваться, но где-то глубоко внутри уже зрело горькое сознание бессилия.

С грустью вспоминал Никитин, что только безупречная репутация спасла его от явных насмешек, даже подозрений в ненормальности. Помощь, за которой он обратился к физикам, вылилась в шутливое недоумение — мало ли, в конце концов, какие бывают обманы зрения, миражи, галлюцинации! И, ставя себя на их место, Никитин не мог осудить ученых.

Еще там, в горах, у кладбища динозавров, Никитин понял, что гладкая поверхность черной смолы хранила в себе что-то вроде фотографического снимка, непонятным

образом отразившегося в воздухе. Но как мог получиться снимок без бромосеребряных¹ пластинок, без проявления и фиксирования? И главное, обычный рассеянный свет не создает никакого изображения — нужна камера-обскура, то есть темная камера с узкой щелью или отверстием, проходя через которое световые лучи дают перевернутую картину того, что находится в фокусе². И тиранозавр в глубине черного зеркала казался перевернутым! Но...

Чтобы разгадать эту тайну, нужен был необычный порыв, страстное напряжение ума и воли, слившихся в достижении единственной цели. Нужно было вдохновение, но вдохновение здесь, в размеренном, привычном существовании, не приходило. Более того, все дальше отодвигалось случившееся там, за четыре тысячи километров отсюда, за степью и буграми знойных песков. Разве можно рассказать кому-нибудь, разве можно самому верить в призрачное видение страны миражей здесь, в бледном и трезвом свете холодного зимнего вечера? И Мириам... Разве не ушла Мириам из его жизни, не стала таким же исчезнувшим миражем?

Никитин закрыл глаза. Миг — и исчезло потемневшее окно, снег и холод. Перед мысленным взором Никитина в тяжелом, неистовом солнце возникали одна за другой картины.

Слепящие, яркие белые стены, темная, пронизанная горячим золотом зелень листвы, журчащие арыки, медные клубы пыли... Снова шли, покачиваясь, машины под мерный гул моторов в дрожащем, жарком воздухе, прорезая голубые цепи причудливых миражей. Сквозь дымку фантастического, ускользающего мира, повисшего над беспредельной сожженной равниной, все ярче выступал такой знакомый облик далекой Мириам. Палеонтолог вскочил, громыхнув креслом.

«Как я не понял этого сразу? Почему не сказал ей тогда? — думал он, шагая по комнате. — Но ведь можно и сейчас: поехать, написать...»

Никитин заволновался — к нему подступало что-то властное, требовавшее немедленного решения... Он поедет к ней, скажет все. Теперь же.

¹ Бромосеребряные пластинки — фотографические пластинки, покрытые слоем бромистого серебра, разлагаемого светом.

² Фокус — установка объектива на наиболее отчетливое изображение.

Никитин неуклюже взмахнул рукой и задел позвонок динозавра, лежавший недалеко от края стола. Тяжелая кость с грохотом упала на пол, разбилась на несколько кусков. Ученый опомнился и бросился подбирать рассыпавшиеся осколки. Ему стало стыдно, точно его сокровенные грезы подглядел кто-то чужой. Никитин торопливо оглянулся, и окружавшее его опять неумолимо заполнило душу. Это его мир, простой, спокойный и светлый, хотя временами, может быть, и слишком узкий. Высокий шкаф со стеклянными дверцами хранит на своих полках еще много неизученных сокровищ — остатков древней жизни...

И, кроме всего этого, великая загадка тени минувшего. Разве этого мало для него, неповоротливого тяжелодума, вечно опаздывающего, как говорил его учитель? Вот и с Мириам — он опоздал, безнадежно опоздал сказать ей там, в горах Аркарлы, в долине звенящих трав... А сейчас, чтобы завоевать Мириам, ему нужно всему целиком, всем существом притти к ней. Как раз тогда, когда так много времени и сил требует от него разгадка тени минувшего. Разве он сумеет, разве его хватит на все? Да и почему он так уверен, что Мириам готова полюбить его? А если она любит другого?

Никитин внезапно успокоился и снова сел в кресло.

Человеческий ум не мог опустить свои мощные крылья перед непостижимым. Призрак динозавра должен был иметь какое-то объяснение!

Эта непреклонность перед самыми трудными задачами, протест против слепой веры и есть самая замечательная черта человеческого ума...

И все же думы Никитина невольно возвращались к экспедиции в пустыню. Он припоминал все до мелочей, особенно последние дни перед возвращением в Москву. Цепкая память натуралиста неожиданно оказала ему большую услугу.

Никитин вспомнил, как он в день отъезда из белого города ожидал машину в гостинице. Он растянулся на широком диване. Окно комнаты выходило на улицу, залитую могучим южным солнцем. Ставни были закрыты, в полумрак комнаты из щели между ставнями вонзался прямой и слабый световой луч.

На стене против окна промелькнули какие-то тени. Невольно проследив их движение, Никитин вдруг увидел ясное перевернутое изображение противоположной стороны улицы. Совершенно четко вырисовывались голые ветви

тополей, приземистый дом с новой крышей, решетка железных ворот. Вот быстро прошел человек, скидывая полами халата, смешной, маленький, перевернутый вверх ногами...

Подобно свежему ветру, в голове Никитина пронеслось быстрое соображение: маленькая, замкнутая, затененная нависшими скалами впадина в горах Аркарлы... узкая щель — проход на просторную равнину — и точно напротив нее смоляное зеркало... Ведь это огромная естественная камера, фокус которой можно вычислить! Теперь для него ясно, как могло получиться изображение, но... но главное все еще непонятно: как же запечатлелся снимок, как могла сохраниться в тысячах веков мимолетная игра света и теней?! Фотография не дала пока никакого ответа.

А! Стой!..

Никитин вскочил и зашагал по комнате.

Изображение было цветным! Нужно тщательно рассмотреть теорию *цветной* фотографии.

Весь следующий день Никитин, забыв обо всем на свете, изучал толстую книгу по цветной фотографии. Он уже успел ознакомиться с теорией цветов и анализом человеческого зрения и теперь, просматривая последний отдел: «Особые способы цветной фотографии», внезапно наткнулся на письмо Ниэпса к Дагерру¹, написанное еще в тридцатых годах прошлого столетия.

«...причем оказалось, что лакировка (асфальтовая смола) пластинки изменялась под действием света, что давало в проходящем свете нечто подобное изображению на диапозитиве, и все цветные оттенки можно было видеть очень отчетливо», писал Ниэпс.

Никитин глухо вскрикнул и, стиснув виски, как будто сдерживая разбегающиеся мысли, стал читать дальше:

«Когда полученное изображение рассматривалось под определенным углом в падающем свете, то можно было видеть очень красивый и интересный эффект. Явление это следовало бы поставить в связь с ньютоновским явлением цветных колец: возможно, что какая-либо часть спектра²

---

¹ Дагерр Луи (1789—1851) — французский художник, изобретатель и ученый; разработал совместно с Ниэпсом первые методы фотографии. Ниэпс Жозеф (1765—1833) — французский физик; ему принадлежит самая идея фотографии и изобретение камеры-обскуры.

² Спектр — состав света из лучей разных цветов.

действует на смолу, создавая тончайшие различия в толщине слоев...»

Драгоценная нить полного объяснения призрака тиранозавра потянулась через страницы. Вначале тонкая и хрупкая, она постепенно становилась крепче и надежнее.

Никитин узнал, что под воздействием стоячих световых волн изменяется структура гладкой поверхности фотографических пластинок, что эти стоячие волны создают определенные цветовые отпечатки, не зависящие от обычного черного изображения, получаемого в результате химического воздействия света на бромистое серебро фотопластины. Эти отпечатки сложных отражений световых волн, совершенно невидимые даже при сильных увеличениях, отличаются только одной способностью — избирательно отражать свет только определенного цвета при освещении изображения под одним строго определенным углом. Сумма этих отпечатков и дает великолепное изображение в естественных цветах, тончайшая передача которых не может идти в сравнение с грубоватыми цветами сетчатых пластинок¹ кодахром, дюфаколор² и других. Таковы методы Липпмана³, Зеебека⁴...

Но не это интересовало сейчас Никитина. Для него было важно узнать, что в природе существует непосредственное воздействие света на некоторые материалы, достаточное для получения изображения и без помощи разлагаемых светом соединений серебра. Именно это и было той зацепкой, которой так нехватало ученому.

Никитин ускорил шаги. С подтаявших крыш падали редкие капли. Ученый, волнуясь, спешил в институт. Три месяца работы не прошли даром — он знал, что и где искать, и теперь помощь оптиков, физиков и фотографов далеко продвинула решение задачи. И вот сегодня он впервые решается выступить перед ученым миром.

---

¹ Сетчатые, растровые пластинки — пластинки для цветной фотографии, на которые наносится сетка из различно окрашенных рен крахмала.

² Кодохром, дюфаколор — типы и фабричные марки пленок и пластинок для цветной фотографии.

³ Липпман Габриэль (1845—1921) — французский физик, член Парижской академии наук, автор способа цветной фотографии с помощью стоячих световых волн.

⁴ Зеебек Людвиг — немецкий физик, работавший в области цветной фотографии.

Тема доклада и имя Никитина собрали значительную аудиторию.

Палеонтолог рассказал о невероятном случае с призраком тиранозавра и сейчас же заметил веселое оживление собравшихся. Никитин нахмурился, но продолжал неторопливо и четко:

— Этот свежевскрытый слой ископаемой смолы, оказывается, хранил в себе световые отпечатки — снимок одного момента существования природы мелового периода¹. Солнечные лучи, отражаясь от этого черного зеркала под определенным углом, отбросили, вроде проекционного фонаря, на какие-то создающие мираж струи воздуха гигантский призрачный облик живого динозавра, уже не в перевернутом виде. Получилось своеобразное слияние отраженного изображения с миражем, увеличившее размеры светового отпечатка.

Без сомнения, выдержка, нужная для получения светового отпечатка в смоле, была велика. Но, возможно, сила солнечного освещения в те времена с тропическим климатом была несколько больше, а может быть, и динозавры могли целыми часами стоять неподвижно. Современные крупные пресмыкающиеся — крокодилы, черепахи, змеи, большие ящерицы — по нескольку часов остаются неподвижными, не меняя положения. Их нельзя сравнивать с бурлящими энергией млекопитающими — обычными зверями наших дней. Поэтому при условии большой выдержки вполне возможны снимки живых ящеров, что и доказано виденным мною динозавром.

Я рассчитал место, с которого был запечатлен снимок, — ученый показал на большой план местности, приколотый к доске: — оно в ста тридцати девяти метрах от подножия каменных башен. Полученный благодаря сильному освещению, или особенному расположению облаков, или еще каким-либо другим условиям снимок, очевидно, был немедленно закрыт натеками последующих слоев асфальтовой смолы и таким образом сохранен от уничтожения. Сотрясение от взрыва отделило все верхние слои, вскрыв непосредственно асфальтовый снимок...

Никитин помолчал, стараясь преодолеть охватившее его волнение.

— В конце концов, — продолжал он, — важно не это

---

¹ Меловый период — эпоха истории Земли, самый конец мезозойской эры.

чудесное происшествие, не то, что несколько человек впервые в мире увидели живой облик ископаемого животного. Величайшее значение только что доложенного вам наблюдения заключается в реальном существовании световых отпечатков древнейших эпох, запечатленных в горных породах и сохраняющихся десятки, может быть сотни миллионов лет. Это реальные тени минувшего из таких глубин времени, которых мы даже не можем охватить своим разумом. Мы не подозревали об их существовании. Никому и в голову не приходило, что природа может фотографировать самоё себя, поэтому мы и не искали этих световых отпечатков.

Конечно, снимки минувшего требуют такого количества совпадений различных условий, что могут получиться и сохраниться только в невероятно редких случаях. Но ведь за огромное количество прошедшего времени и число таких случаев должно быть очень большим! К примеру: каждый случай сохранения ископаемых костей тоже требует очень редких совпадений. Тем не менее мы знаем уже очень много вымерших животных, и их число возрастает чрезвычайно быстро по мере развития палеонтологических исследований.

Световые отпечатки, снимки минувшего, могут образоваться и сохраниться не только на асфальтовых смолах. Без сомнения, мы можем искать их в некоторых распространенных веществах горных пород — солях окиси и закиси железа, марганца и других металлов. Давно известно фотографирование методом выцветания, путем разрушения светом какой-нибудь нестойкой к нему краски и получения таким образом дополнительного цвета¹. Где искать их, эти картины прошлого? В тех отложениях горных пород, где мы можем предполагать очень быстрое наслоение на открытом воздухе, или в очень мелкой воде. Вскрывая без повреждения поверхность напластований и улавливая световые отражения какими-нибудь приборами, облегчающими восприятие световых отпечатков, мы должны научиться понимать эти следы световых волн минувших времен.

Наконец, мы вправе предположить, что природа фото-

---

¹ Дополнительные цвета. — Существуют только три основных цвета: красный, синий и желтый. Цвет, дополнительный к основному, получается из смешения двух отдельных основных цветов. Так, для красного дополнительным цветом будет синий + желтый = зеленый, для желтого — синий + красный = фиолетовый и т. д.

графировала свое минувшее не только с помощью света. Вспомните еще не объясненные наукой до конца снимки окружающего, которые оставляет изредка молния на деревянных досках, стекле, коже пораженных ею людей. Можно представить себе запечатление изображений с помощью электрических разрядов невидимых излучений вроде радия.

Отдайте себе только ясный отчет в том, что вы ищете, и вы будете знать, где искать, и найдете!..

Никитин закончил доклад. Последовавшие выступления были полны скептицизма. Особенно горячился один известный геолог, который с присущим ему красноречием охарактеризовал выступление Никитина как увлекательную, но с научной точки зрения гроша медного не стоящую «палеофантазию». Но все нападки не задели ученого. У него давно уже окрепло твердое решение.

Металлические удары гулко разносились по огромному залу. Никитин остановился у входа. В двух стоявших друг против друга витринах приземистые ящеры скалили черные зубы. За витринами пол был завален брусьями, железными трубами, болтами и инструментами. Посредине на скрещенных балках поднимались вверх две высокие вертикальные стойки — главные устои большого скелета динозавра. К задней стойке уже присоединились сложно изогнутые железные полосы. Два препаратора осторожно прикрепляли к ним громадные кости задних лап чудовища. Никитин скользнул взглядом по плавному изгибу трубы, обрамляющей каркас сверху и щетинившейся медными хомутиками. Здесь будут установлены все восемьдесят три позвонка тиранозавра по контуру хитро изогнутой спины.

У передней стойки Мартын Мартынович с большим газовым ключом балансировал на шаткой стремянке. Другой препаратор, мрачный и худой, в холщевом халате, карабкался по противоположной стороне лестницы с длинной трубой в руках.

— Так не выйдет! — крикнул палеонтолог. — Осторожнее! Не ленитесь передвинуть леса.

— Да ну, что тут канителиться, Сергей Павлович, — весело отвечал сверху латыш. — Мы — да не сумеем? Старая школа!

Никитин, улыбнувшись, пожал плечами. Мрачный препаратор вставил нарезку трубы в верхний тройник, кото-

рым заканчивалась стойка. Мартын Мартынович энергично повернул ее ключом. Труба — опора массивной шеи — повернулась и повлекла за собой мрачного препаратора. Он и латыш столкнулись грудью с грудью на узенькой верхней площадке стремянки и рухнули в разные стороны. Грохот упавшей трубы заглушил звон стекла и испуганный крик. Мартын Мартынович поднялся, смущенно потирая свежую шишку на лысой голове.

— Падать — это тоже старая школа? — спросил палеонтолог.

— А как же ж! — подхватил находчивый латыш. — Другие бы покалечились, а у нас пустяк — одно стекло, и то не зеркальное... Леса-то придется передвинуть, неладно же ж, — как ни в чем не бывало закончил Мартын Мартынович.

Никитин надел халат и присоединился к работающим. Наиболее медленная часть работы — предварительная сборка скелета и изготовление железного каркаса — была уже пройденным этапом. Теперь каркас был готов, оставалось собрать его и прикрепить на уже прищипанных и привинченных к нему упорах, хомутиках и болтах тяжелые кости — тоже результат многомесячного труда: препараторы освободили их от породы, склеили все мельчайшие отбитые и рассыпавшиеся части, заменили гипсом и деревом недостающие куски.

Каркас был прилажен удачно, исправления в ходе монтировки скелета оказались незначительными. Ученые и препараторы работали с энтузиазмом, задерживаясь до поздней ночи. Всем хотелось скорее восстановить в живой и грозной позе вымершее чудовище.

Через неделю работа была закончена. Скелет тиранозавра поднялся во весь рост; задние лапы, похожие на ноги гигантской хищной птицы, застыли в полушаге; длинный выпрямленный хвост волочился далеко позади. Громадный ажурный череп был поднят на высоту пяти с половиной метров от пола; полураскрытая пасть напоминала согнутую под острым углом пилу с грубыми редкими зубьями.

Скелет стоял на низкой дубовой платформе, сверкающей черной полированной поверхностью, подобно крышке рояля.

Косые лучи вечернего солнца проникали через высокие сводчатые окна, играя красными отблесками на зер-

кальных стеклах витрин и утопая в черноте полированных постаментов.

Никитин стоял, облокотясь на витрину, и придиричиво оглядывал в последний раз скелет, стараясь найти какую-нибудь не замеченную ранее погрешность против строгих законов анатомии.

Нет, пожалуй все достаточно верно! Огромный динозавр, извлеченный из кладбища чудовищ в пустыне, теперь стоит доступный тысячам посетителей музея. И уже заготавливаются каркасы для других скелетов рогатых и панцирных динозавров — великолепный результат экспедиции...

Блеск солнца на черной крышке постамента живо напомнил палеонтологу смоляное зеркало в горах Аркарпы... Да, конечно, скелет поставлен им в той же позе, в какой неизгладимо врезался в память призрак живого тиранозавра. И эта поза производит впечатление полной естественности, чего нельзя сказать про монтировки других музеев.

«Если бы мои уважаемые коллеги знали, чем я руководствовался! — усмехнулся про себя Никитин. — Впрочем, победителей не судят».

И снова мысли ученого, подобно стрелке компаса, повернулись к разгаданной тени минувшего. Призрак перестал быть загадкой, явление было ясно ученому. Исчезла и страстная напряженность мысли, возмущение разума перед непостижимой тайной природы. Ход размышлений стал спокоен, холоден и глубокий.

Ученый хорошо понимал, что до тех пор, пока он не докажет миру действительное существование световых отпечатков прошлого, ему придется работать одному. У него, по всей вероятности, не будет ни специальных средств, ни лишнего времени — все ему придется делать попутно со своей основной работой.

Огромная, непосильная задача! И сама геология против него.

В процессах, создающих осадочные горные породы, только те наслоения, которые могут воспринимать световые отпечатки, чрезвычайно редки случаи быстрого отложения одного слоя за другим. Тем более на поверхности, а не в глубинах озер и морей! Нужно отыскать наслоения, отложенные со скоростью, достаточной для того, чтобы избежать последующего воздействия света. И это должно совпасть с условиями, хотя бы отдаленно подоб-

ными камере-обскуре, чтобы на поверхность слоя упал не просто рассеянный свет, а световое изображение. А сколько уже полученных снимков может погибнуть в дальнейшем при уплотнении, перекристаллизации или других химических изменениях осадочных пород!

Какие шансы найти в бесконечно большом числе напластований именно ту поверхность, которая одна из миллионов подобных сохранила снимок минувшего?

Неужели глубины времен навсегда останутся безответными и недостижимыми для нас?

Нет, именно эта бесконечная, бездонная глубина прошлого должна помочь нам. Нужна редчайшая случайность, та, которая может быть раз в тысячу лет, и нет никаких шансов наткнуться именно на нее. Но если этих тысячелетий прошли миллионы, то миллион случайностей — это уже вполне доступное для наблюдений число... И оно во много раз увеличивается еще тем, что поверхность Земли огромна:

Родина — это сотни миллионов квадратных километров, сложенных разными горными породами, образовавшимися в самых различных условиях. Имея дело с большими числами, нужно отказаться от узких, рожденных житейским опытом представлений... «В поисках минувшего моя родина за меня, — думал ученый. — Где же еще обнаружить новые снимки прошлого, как не на ее необозримых просторах!»

Уверенность и стремление к новым поискам, новой борьбе снова воскресли в душе Никитина.

Прежде всего необходим аппарат, улавливающий отраженный от слоя породы свет. Может быть, камера с очень светосильным¹ и в то же время широкоугольным объективом². Очень важно правильно установить угол отражения, как в липпмановском методе цветной фотографии... Хорошо, сделаем вращающуюся призму!

Никитин, не взглянув более на скелет тиранозавра, поспешил в свой кабинет.

— Нет, не сюда, товарищ профессор. — Бородатый колхозник с суровым лицом остановил шедшего в задум-

¹ Светосильный объектив — фотообъектив, пропускающий много света, для быстрой съемки.

² Широкоугольный объектив — фотообъектив, захватывающий с близкого расстояния большую площадь.

чивости Никитина. — Тропинка эта верховая, а нам надо налево, в овраг.

— А далеко еще до красных обрывов? — спросил один из помощников Никитина.

— Как спуститься оврагом до реки — с километр, да берегом километра четыре. — И проводник деловито зашагал вперед.

Огромные, толстые ели стеснили тропинку. В промежутках между серовато-зелеными стволами и косыми замшелыми нижними ветками глубоко внизу поблескивала река, как разбросанные осколки разбитого зеркала. Воздух был насыщен сладковатым запахом еловой смолы, более мягким и приторным, чем запах сосны. Овраг, заросший ольхой, походил на длинный крытый коридор, устланный толстым слоем побуревших старых листьев. Листья становились все чернее и мокрее, под ними захлюпала вода. Овраг кончился. Исследователи оказались на берегу быстрой и холодной реки, узкое русло которой пролегалo в высоких, крутых берегах. Каждый поворот реки и тихое плесо обозначались издали ярким блеском солнца. Быстрые были тусклые и от этого казались хмурыми и холодными. Невдалеке виднелись крутые обрывы темнопурпурных глин, окаймленные сверху зелеными арками заросшей верхней кромки склона.

Скоро маленький отряд достиг обрывов, и рабочие приступили к делу. В дюжих руках быстро замелькали лопаты и кирки. Глина крупными зернами, шурша, катилась в реку, словно дождь орехов. Осторожно подбивая клинья, обнажили блестящую, гладкую поверхность слоя глины. Пласт лежал с небольшим наклоном, и Никитину пришлось соорудить помост и установить свой аппарат высоко над вскрытым слоем. Кончив свое дело, рабочие ушли, помощники отправились вверх по берегу с удочками, и палеонтолог остался один.

Часы шли. Никитин дежурил у аппарата, изредка позволяя себе на две-три минуты закрыть усталые глаза. Ученый не волновался, почти совершенно уверенный в очередной неудаче. Неоднократно и в разных местах Никитин устанавливал свой прибор, в томительном ожидании вглядываясь в мертвую гладь камня. С каждым разом волнение и ожидание нового открытия слабели, угасала надежда, но ученый упорно продолжал свои наблюдения во всех подходящих, по его мнению, местах. Так и теперь, почти без интереса, связанный лишь взятым на себя тяже-

лым долгом, Никитин наблюдал в аппарат свежевскрытый слой затвердевшей пурпурной глины. Солнце медленно изменяло углы освещения, могучие ели слабо качали своими верхушками, чуть слышно плескала вода в прибрежной осоке. И вдруг в однообразном, ровном освещении появились редкие темные пятна, стали резче, разбросались по всему вскрытому слою. Подбирая наклон отражения с помощью вращающейся призмы, Никитин добился наконец ясной видимости.

Перед ним был очень светлый берег необычайно прозрачного зеленого моря. Почти идеальная плоскость серебряно-белого песка неуловимо переходила в изумрудную воду. Длинные прямые гребешки маленьких волн застыли в своем взлете, прочертив кристально ясную поверхность воды яркими синевато-зелеными полосами. На более далеком плане полосы дробились в треугольники, заостренные верхушки волн заворачивались вниз, показывая вспышки ослепительно белой, тоже серебряной пены. В чистейшей зелени воды даль казалась голубой, чувствовались дивная прозрачность воздуха и поразительная яркость света.

Почти со страхом смотрел Никитин на этот кусочек несказанно светлого и ясного мира, сознавая, что гребешки волн застыли в солнечных лучах, светивших более четырехсот миллионов лет назад. Это был берег силурийского моря...

Видение исчезло очень скоро с ничтожным поворотом солнца. Дневной свет, вызывая видение, сам же и гасил его, не давая возможности пустить в ход фотографический аппарат.

Никитин остался ночевать тут же, под помостом. Только завтра в этот же час солнце снова могло вызвать к жизни прозрачные тени.

Но напрасно дрожал ученый от ночной сырости, отбивался от надоедливых комаров. Переменчиво северное лето: пасмурное утро закончилось дождем. В промозглом тумане ученый с отчаянием следил, как струилась вода по гладкой поверхности глины, как струйки дождя постепенно краснели и как наконец снимок чудесного силурийского моря превратился в липкую бурую грязь.

Второй раз удалось Никитину увидеть тень минувшего,

---

¹ Силурийский период — эпоха в истории Земли около четырехсот миллионов лет назад.

только на миг восхитившись прекрасным видением. Но все же, если поиски удались однажды, нужно пробовать снова и снова!

Теперь Никитин решил попытаться искать снимки прошлого на стенах пещер — этих естественных камерах-обскурах. Там снимок защищен от капризов погоды, от изменений солнечного освещения. А он, наученный горьким опытом, будет теперь готовить фотоаппарат заранее, перед наблюдением. Тогда минувшее не ускользнет. Нужно искать в неглубоких пещерах, где в известковых натеках окажутся изменяющиеся от света вещества.

Над густой масляной водой медленно полз редкий серый туман. Берега светились от инея, а круто спадавшие горные склоны угрюмо чернели, оттаяв в лучах поднявшегося солнца. Тупой нос неуклюжего карбаз, закрытый просмоленным брезентом, был направлен на далекую отвесную скалистую кручу, встававшую поперек могучей

Широкое плесо дышало пронизывающим холодом, струилось беззвучно и быстро. Издалека неся рокочущий, тяжелый рев. Никитин стоял на осклизлых досках рулевого помоста рядом с лоцманом, крепко державшимся за деревянные колышки, вбитые в бревно рулевого весла.

Лоцман потер неуклюжей рукавицей покрасневший нос.

— То Боллоктас ревет, — хрипло сказал он, придвигаясь к Никитину, — самый страшный порог!

— За поворотом? — медленно спросил Никитин.

Лоцман хмуро кивнул.

— Там и есть пещера? — продолжал Никитин. — На левом берегу?

— Взаправду причаливаться хотите? — тревожно прохрипел лоцман.

— Да, другого исхода нет, берегом по кручам не пройти, — твердо ответил ученый.

Поверхность воды начала вспучиваться длинными и плоскими волнами. Карбаз — тяжелый плоскодонный ящик с треугольным носом — стал медленно покачиваться и нырять. Под носом захлопала вода. Рев приближался, нарастая и отдаваясь в высоких скалах. Казалось, самые камни грозно ревели, предупреждая пришельцев о неминуемой гибели.

Лоцман подал команду, гребцы заворочали тяжелыми веслами. Карбаз повернулся, ныряя. Река входила в узкое ущелье, сдавившее ее мощный простор. Гигантские утесы метров четырехста высотой надменно вздымались, сближаясь все больше и больше. Русло реки напоминало широкий треугольник, вершина которого, вытягиваясь, исчезала в изгибе ущелья. У основания треугольника высокий пенистый вал обозначал одиночный большой камень, а за ним треугольник пересекался рядом острых, похожих на черные клыки камней, окруженных неистово крутящейся водой. Ущелье вдали было заполнено острыми стоячими волнами, точно целый табун вздыбленных белых коней протискивался в отвесные темные стены. Налево в каменную стену вдавался широкий полукруглый залив, искривляя левую сторону треугольника, и туда яростно била главная струя реки, взметывая столбы сверкающих брызг.

Никитин опустил бинокль и схватился за рулевое весло, помогая лоцману. Навстречу летел, оглушительно шумя, средний камень. Карбазу нужно было пройти по сливу, а с опасной левой стороны, иначе непреодолимая сила воды отбросит судно к гряде камней и... к пещере можно будет попасть лишь в будущем году. А это значит — никогда, потому что работы экспедиции были закончены, предстояло спешное возвращение.

— Бей пуще! Пуще! — заорал лоцман.

Карбаз взлетел на гребень высокого вала — за камнем вода падала в глубокую темную яму. Карбаз рухнул туда. Раздался тупой стук днища о камень, рывок руля едва не сбросил Никитина и лоцмана с мостков, но оба крепко уперлись в бревно и пересилили. Судно слегка повернуло и несло теперь под тупым углом к берегу, отклоняясь к грозным каменным клыкам. Карбаз отчаянно дергался, прыгая на высоких волнах, заливаемый водой и пеной.

— Греби! — надсаживался лоцман.

Промокшие и вспотевшие гребцы — рабочие и сотрудники экспедиции Никитина — изо всех сил рвали непослушные весла. Менее опытные со страхом ожидали крушения, взглядывая на упрямого начальника. Его лицо, обросшее темной бородкой, казалось грозным.

Никитин стоял, широко расставив ноги, на дрожащих мостках, мысленно измеряя и рассчитывая расстояние до белой пенной линии — границы отраженного обратного

течения. Лоцман, закусив губу, смотрел туда же. Карбаз замедлил ход, потом снова ринулся вперед и бросился прямо в кипящую пену. Хотелось зажмурить глаза и сжаться в комочек — секунда, и судно неминуемо разобьется в щепы о скалы. Однако ход карбаза снова стал замедляться. С резким толчком судно остановилось и, подхваченное обратным течением, вошло в глубокую черную воду, тихо плескавшуюся у подножия гнейсовых уступов, круто спадавших в реку.

Никитин не сдержал вздоха облегчения. В конце концов, рискованное исследование пещер Боллоктаса вовсе не входило в задание его экспедиции, и если бы в погоне за тенью минувшего случилось несчастье... Но карбаз уже причалил, мягко ткнувшись в скалу. Коллектор лихим прыжком соскочил на выступ скалы и закрепил за камень причальный канат.

— С благополучным прибытием, товарищ начальник! — шутливо согнулся перед Никитиным лоцман.

— Лихо прошли! — одобрительно отозвался ученый.

— По-русски, верняком! — отрубил лоцман.

Крутые склоны поднимались над карбазом метров на полтора. Выше склон образовал широкий уступ, длинную площадку, полукольцом огибавшую выступ берега. Над площадкой склон горы становился пологим. У его основания располагалось девять черных отверстий — входы в пещеры. Весь склон зарос невысокими кудрявыми соснами, белел сухим оленьим мхом.

Никитину и его помощникам без особого труда удалось поднять наверх все нужное снаряжение. Весь остаток дня провел палеонтолог в пещерах, пока не убедился, что был прав в своих предположениях.

На плоской задней стене пещеры тонкие гладкие натеки наслаивались последовательно. Порода была окрашена в густой желто-зеленый цвет. Никитин надеялся, что примеси солей железа и хрома, изменившись под действием света, могут сохранить в каком-либо слое световой отпечаток той эпохи, когда здесь били горячие ключи и еще не потухла окончательно вулканическая деятельность, — около шестидесяти тысяч лет назад.

Помощники ученого расчистили вход. Круглое отверстие отбрасывало свет на заднюю стену. Пещера и в самом деле была похожа на внутренность фотографического аппарата.

С бесконечным терпением и тщательностью Никитин приступил к работе. Счищая слой за слоем, он освещал поверхность каждого слоя специально сконструированной им магниевой лампой¹.

Ученый поворачивал то лампу, то призму, меняя углы освещения и отражения, но ни малейшего намека на видение не проступало в стеклах прибора.

Больше десяти тонких слоев уже было осмотрено и сбито со стены. Оставалась очень тонкая корка натека. Никитин незаметно проработал всю ночь, но, озлобленный неудачей, не чувствовал усталости. Только рябило в глазах от яркого света да подходил к концу запас магниевой смеси.

Неужели еще одно потерянное лето — сейчас, когда он достаточно вооружен для поимки тени прошлого!

Одиннадцатый слой показался Никитину еще более гладким, чем все прежние. Ученый снова зажег магниевую лампу. Несколько поворотов шаровой головки — и в приборе проступило круглое смутное изображение. Серая, неясная тень в правом углу походила на согнутую человеческую фигуру с какой-то косой линией за плечом, налево смутные пятна очерчивали нечто округленное и непонятное. Никитин регулировал прибор, но видение не становилось яснее. Он понимал, что перед ним новый снимок минувшего, однако настолько неясный, что было бы затруднительно даже описать его, не только сфотографировать. Никитин всыпал новую порцию магниевой смеси, увеличив до предела свет лампы. Да, это, без сомнения, человеческая фигура. Значит, все дело в силе освещения. Хотя магниевый свет и дает спектр, подобный солнечному, но сила его недостаточна. Только могучее солнце может дать жизнь им же порожденным теням! И чувствительность его аппарата недостаточна — он слишком прост, этот копирующий фотокамеру прибор.

Перегретая лампа, вспыхнув в последний раз, погасла. В тьме пещеры явственно выделялось круглое отверстие входа... Рассвет! Обычное спокойствие оставило ученого — в ярости он стукнул кулаком по ни в чем виновному прибору.

Никитин совсем разъярился. В пещере ему нехватало воздуха, он бросился наружу и упал на колени, сильно

---

¹ Магниевая лампа — лампа, в которой сжигается металлический магний.

стукнувшись головой о свод. Удар несколько образумил ученого, но ярость, клокоставшая в нем, не угасла. Прищуренными глазами он оглядел нависшую над входом глыбу. Так, его лампа не годится! Но он увидит тень минувшего при солнечном свете! Он всегда имел при себе аммонал, чтобы при случае быстро вскрыть нужные слои, взорвав лежащую на них породу.

Палеонтолог деловито осмотрел склон над пещерой, заметил длинные вертикальные трещины, рассекавшие гнейсовые глыбы. Обрушить этот каменный занавес — пу-
стяки!

Ученый начал спускаться к берегу, где расположились на ночлег его спутники, но передумал и вернулся в пещеру. Там определил угол, под которым падал на поверхность известкового слоя свет его лампы, и взял компасом направление. Отлично, солнце будет тут между двумя и тремя часами! Можно успеть выпастись как следует, а то глаза так устали, что и при солнце он ничего не увидит. Хорошо, что утро обещает погожий день!

~~кажется~~ Как только рассеялась пыль от взрыва, Никитин стал поспешно устанавливать аппарат, балансируя на гудах каменных осколков. Гладкая зеленоватая стена, не поврежденная взрывом, влажно отблескивала в ярком дневном свете.

Нет, теперь он не будет наивен — приготовленная кассета¹ крепко зажата в руке. Едва мелькнет в стекле прибора рожденное солнцем изображение и он установит фокус, сразу же кассета будет вставлена в аппарат. В результате удачного снимка будет доказано существование, более того — возможность сохранения и передачи теней минувшего. Решительный поворот в трудном пути — дальше он пойдет уже не один! Что значат усилия одиночки в сравнении с дружной работой многих людей, очень хорошо известно каждому, кто пытался проложить новые дороги в науке или технике.

Никитин посмотрел на часы — два часа двадцать три минуты — и прильнул к стеклу, вцепившись в поворотный винт призмы. Снова медленно потянулось время, но сейчас ожидание было напряженным — ученый знал, что увидит минувшее.

---

¹ Кассета — коробка с выдвижной стенкой (шибером), в которую закладывается фотопластинка или пленка.

Медленно, очень медленно солнце изменяло свое положение в небе. Никитин забыл про все окружающее...

Вот серая согнутая тень направо постепенно вырисовалась четким контуром человеческой фигуры. Косая линия обрисовала копые.

Вобрав голову в широкие плечи, со вздутыми, напряженными мускулами, человек уселся, пригнувшись, выставив вперед длинное копые. Широкое, изборозженное морщинами лицо было наполовину повернуто к Никитину, но глаза устремлены на синеющие вдаль округлые, заросшие лесами горы, открывавшиеся за обрывом площадки. Никитин успел заметить густые всклокоченные волосы, обрамлявшие довольно высокий лоб, выдающиеся скулы, массивные челюсти. Ученому показалось, что на лице человека он прочел тревожное и мучительное раздумье, словно тот в самом деле пытался заглянуть в будущее. Все это Никитин рассмотрел за несколько мгновений. Несмотря на жгучий интерес к другим деталям картины, палеонтолог не мог разрешить себе дольше всматриваться в аппарат, ему нужен был снимок. Никитин быстро вставил кассету и схватился за шибер, чтобы открыть пластинку, но замер на месте, так и не сделав нужного движения. Блеск гладкой стены внезапно потух, вокруг потемнело, и, оглянувшись, Никитин увидел массивную длинную тучу, медленно наползавшую на солнце. А за ней сомкнутыми рядами, оседаая на вершины окрестных сопков, ползли из-за гор тяжкие свинцовые облака того зловещего лилового оттенка, который предвещает сильный снегопад.

С отчаянием в душе ученый осматривал небо. Если пойдет снег, то он больше ничего не увидит — тончайшие отпечатки света неминуемо будут стерты.

Затаив смутную надежду, Никитин покрыл аппарат плащом, оставив его на месте до следующего дня, и апатично поплелся к палаткам. Нелепая случайность, дикая неудача отравили сознание, обессилили тело.

Спутники Никитина притихли, глядя на подавленного, молча сидящего начальника; они переговаривались вполголоса, как у постели тяжело больного.

В скалах жалобно завыл ветер, закрутились крупные хлопья снега.

Никитин налил себе спирту, выпил и приказал принести сверху аппарат. Не только погибла всякая надежда

увидеть снова образ древнего человека — больше нельзя было допускать ни одного лишнего часа задержки. Приходилось взять себя в руки: запоздание могло привести к тому, что карбаз попадет в ледостав и застрянет в замерзшей реке ниже порогов, среди безлюдной тайги.

Наутро, едва лишь на небе резко выступили вершины сопок, люди засуетились, укладывая вещи.

Причальный канат тихо плеснул, упав в воду; карбаз едва заметно продвигался к пенной границе главной струи. Вдруг, словно чудовищная мягкая лапа подхватила судно, карбаз рванулся вперед и понесся в ущелье, где исчез, прыгая, как щепка, в реве и пене острых волн.

Настольная лампа с глубоким колпаком бросала круг света на заваленный книгами стол. В большом кабинете было полутемно. Никитин в напряженном раздумье неподвижно сидел у стола.

Три года, как он не знает покоя... Прежняя работа кажется ему теперь такой спокойной и ясной, так манит снова отдаться ей целиком! А он не может и разрывается между старым и новым, стараясь добросовестно выполнять свои прежние задачи, в то время как вся душа его в погоне за тенью минувшего. За эти три года еще дважды минувшее было у него в руках, два раза он видел то, что не дано было никому увидеть. И он так же далек от выполнения задачи, как в тот незабываемый момент в горах Аркарлы. И аппарат... он не годится. Он слишком груб.

Должно быть, он сделал ошибку в прошлом. Человек не должен быть одинок...

Никитин зажег верхний свет и, щурясь, стал собирать разбросанные бумаги. Бросил взгляд на свой прибор, стоявший на отдельном столике, потертый и исцарапанный в путешествиях. На секунду сравнил себя с ним, горько усмехнулся и вышел.

В музее было темно. Кабинет Никитина находился в конце огромного зала, заполненного витринами и скелетами вымерших животных. Выйдя из освещенной комнаты, Никитин как бы ослеп. Он знал проходы между витринами, но знал также, что в нескольких местах в проходы выступают рога и оскаленные пасти скелетов, стоящих на открытых платформах. В темноте легко было ушибиться или, что еще хуже, разбить хрупкие кости.

Ученый остановился и стал ждать, пока глаза привыкнут к темноте. Вот едва заметно заблестели стекла витрин, но темные кости скелетов сливались с темным пространством зала, который казался пустым. Многолетней привычкой Никитин чувствовал незримое присутствие мертвого населения музея. Странное впечатление овладело палеонтологом — словно зал был наполнен призраками, ощущаемыми, но невидимыми.

Никитин двинулся вперед, ворча на несовершенство собственных глаз. Он знает все, что здесь находится, знает, что где стоит, и ничего не видит. Не хуже тени минувшего! Скелеты существуют и в то же время исчезли — для глаз слишком мало света...

И вдруг Никитин остановился — сравнение с тенью минувшего поразило его. Как он был наивен, надеясь только на свои глаза! Почему он упустил из виду, что тончайшие отпечатки световых волн могут в огромном большинстве случаев отражать лишь ничтожные количества света, количества, не воспринимаемые обычным зрением? Потому и искусственное освещение не могло вызвать вполне отчетливо запечатлевшиеся картины минувшего. А сколько, значит, пропущено более слабых отпечатков!

Никитину стало стыдно. Он, ученый, действовал при создании своего прибора кустарно, по-дилетантски! Он забыл про мощь современной техники, обладающей приборами, чувствующими самые ничтожные количества света!

Медленно переступая, подвигался палеонтолог по темному залу музея, и с каждым шагом крепло представление о новой конструкции его аппарата. Он обратится снова к физикам и техникам. Ему нужно получить восприятие отраженного от снимка света не непосредственно, а через комбинацию чувствительных фотоэлементов, перевести свет в электрический ток, усилить его и снова превратить в свет, уже видимый глазом!

Затруднение предвидится в точной передаче цветов, но тут можно комбинировать. Можно дать усиление контуров, а цвет получится из непосредственного отражения.

Никитин задел плечом витрину и шарахнулся в сторону... Да, тут есть над чем подумать, но, кажется, ключ к решению вопроса найден. «Если удастся создать такой аппарат, — продолжал думать ученый, — мне ничуть не

страшно. На открытом воздухе я делаю навес, даю искусственный свет. А под землей и говорить нечего! Тогда тень минувшего — тут, — и палеонтолог сжал пальцы в кулак. — С несколькими фотоэлементами¹ я могу менять настройку аппарата, повышая или понижая чувствительность к разным лучам спектра».

Веселый молодой машинист придвинулся поближе к инженеру, провожавшему в шахту группу явно наземных людей.

— Как их, Андрей Яковлевич? — шопотом спросил он. — С ветерком или с подпояской? — Машинист выразительно подмигнул на пришедших.

— Что ты, что ты! — ужаснулся инженер. — Это ведь знаменитый ученый, — он украдкой указал на замешкавшегося Никитина. — И аппарат их повредишь... Посмей только! — угрожающе закончил инженер.

Никитин, отличавшийся тонким слухом, расслышал весь этот короткий и непонятный для непосвященных разговор и поспешил вмешаться.

— Давайте и с ветерком и с подпояской! — громко обратился он к машинисту. — Ни мне, ни аппарату ничего не сделается. Люблю вспомнить старые времена! А моим ребятам полезно — пусть привыкают.

Смутившийся машинист удивленно посмотрел на ученого, потом широко улыбнулся и кивнул головой.

Клеть медленно начала спускаться и внезапно рухнула вниз, точно оборвался канат. Ноги отделились от пола, сердце, казалось, подступило к горлу, дыхание оборвалось... Падение клетки все ускорялось, затем так же внезапно и резко замедлилось. Огромная тяжесть придавила людей к полу. словно невидимые руки перетянули каждого широким, неумолимо стягивающим поясом.

Это ощущение длилось не более секунды, и снова пол ушел из-под ног, тело стало невесомым, а замирающее сердце устремилось вверх.

— Ох! — вскрикнул помощник Никитина, но клеть уже плавно замедляла свой спуск и остановилась на одном из наиболее глубоких горизонтов шахты.

— Чтоб им пусто было! — выругался помощник, стараясь унять дрожь в коленях.

---

¹ Фотоэлемент — прибор, в котором под действием света возникает электрический ток.

Никитин задорно расхохотался, к негодованию своих перепуганных сотрудников.

Палеонтолог спускался в шахту с небывалой уверенностью в успехе. Причиной этой уверенности был и заново переконструированный аппарат, и то, что здесь горняки обнаружили слой окаменевшей смолы, подобный черному зеркалу, впервые показавшему ему призрак динозавра, и... только что полученное им письмо.

Никитин улыбнулся, перебирая в памяти немногие строки. Писала Мириам, не забывшая ни его, ни тени минувшего.

Она писала, что через год ей удалось снова побывать на асфальтовом месторождении. Черное зеркало оказалось разрушенным, но ничто не могло разрушить впечатления от призрака динозавра, глубоко запавшего ей в душу... Ей удалось заинтересовать тенью минувшего талантливого исследователя Каржаева. И теперь у них ведутся поиски слоев, сохранивших отпечатки световых волн.

Она не писала ему раньше потому, что это не было ему нужно — тут Никитин почувствовал скрытый между строками упрек, — но она все время следила за его работой и верила в то, что он доведет дело до конца. А теперь они нашли интересное наложение и просят приехать к ним.

Никитин еще не успел осознать все значение письма Мириам для него. Слишком мало времени было у него для размышлений в последний день подготовки к исследованию. Только вернулась к нему легкость прежних молодых дней, и эта возвращенная молодость удивляла окружающих его людей.

Из длинного старого штрека тянуло пощипывающей горло гарью, тихо шелестел всасываемый мощным вентилятором воздух. Никитин спешил приступить к испытанию сразу после отпалки¹ заложенных по его указанию шпуров². Здесь, в старых выработках, в стороне от оживленного движения электровозов, грохота вагонеток, мелькания фонарей, было пусто и тихо. Беспросветный подземный мрак, плотно обняв идущих, сливался с безыменной чернотой угольных стен.

---

¹ Отпалка — взрыв шпура

² Шпур — скважина глубиной до двух метров, пробуренная в горной породе для закладки взрывчатого вещества.

Где-то едва слышно сочилась вода, далеко в стороне мерно потрескивала крепь, предупреждая горняков о тяжком давлении породы.

— Кто показал это замечательное место? — вполголоса спросил Никитин шедшего рядом помощника.

Тот кивнул на маленького старика, замыкавшего шестые вместе с инженером:

— Он редкостный горный мастер, знает каждый слой во всех забоях. Если бы не он, потребовались бы годы поисков в этих бесконечных выработках...

Палеонтолог посмотрел с немой благодарностью на старого горняка.

Впереди забелела чистая колоннада новых крепежных столбов. Уже по их числу можно было догадаться, что ход заканчивался обширной камерой. Действительно, черные стены разошлись, открывая большое пустое пространство с высоким потолком.

Помощники Никитина замешкались, протаскивая громоздкий аппарат между столбами. Инженер выступил вперед и высоко поднял сильный фонарь. Истерзанная взрывами толща углистых сланцев окружила исследователей, грозя бесчисленными острыми выступами, отсвечивая сталью на гладких сколах...

В самом начале камеры по обеим сторонам стояли чуть покачнувшиеся толстые рубчатые стволы. Вросшие одной стороной в массу угля, они выделялись лишь характерным рисунком коры. На расчищенной поверхности пола распластались, словно громадные пауки, могучие пни с разветвленными корнями. Корни стлались по древней почве, служившей им опорой в бесконечно давно минувшие времена. Все пни были срезаны под один уровень — уровень воды в затопленном каменноугольном лесу¹. В уцелевших больших стволах мрачно зияли большие дупла.

Участок мертвого, превращенного в уголь и известь леса подавлял глубокой древностью, как будто над головами людей висела не двухсотметровая толща пород, а почти ощутимая глубина сотен миллионов лет, пронесшихся над этими стволами и пнями.

В конце камеры грома обвалившихся сланцев обозначала место произведенного взрыва. Над ними блестела

---

¹ Каменноугольный период в истории Земли — около 350 миллионов лет назад.

косая черно-бурая плита — затвердевший натек битума¹. Это и был намеченный к испытанию прослой, отлагавшийся в крутом склоне небольшого холма в каменноугольном лесу.

Скоро магниевая лампа уперлась ярким белым лучом в плиту, и Никитин установил фокус отражательной камеры. Ученый, волнуясь, кашлянул и хрипло сказал:

— Будем пробовать...

Что скажет сейчас эта так тщательно выбранная поверхность слоя? Палеонтолог включил фотоэлементы и усилил ток. Повернув винт призмы, Никитин снова посмотрел в аппарат: порода уже не была черной, на прозрачном сером фоне проступали неясные вертикальные штрихи.

Терпеливо и осторожно ученый регулировал прибор, пока с невиданной ясностью не проявилась четвертая тень минувшего, открытая им, — тень, которую теперь увидят тысячи людей!

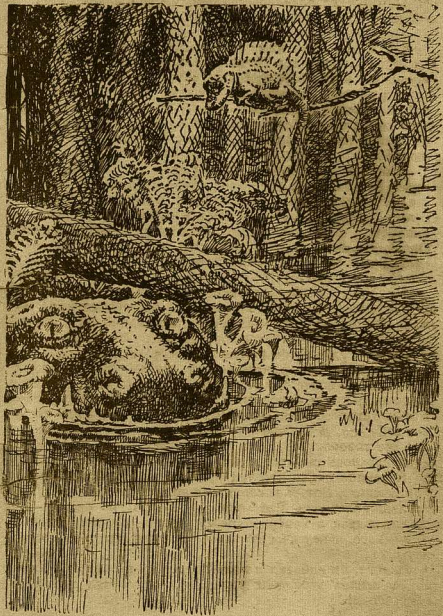
Никитин смотрел на прогалину в чаще затопленного леса. Бледносерые стволы деревьев с насеченной ромбиками корой обступили маслянистую черную воду. Вверху каждое дерево разделялось на две расходящиеся под углом толстые ветки, исчезающие в густой тени плотно стеснившихся крон. Толстый чешуйчатый ствол лежал поперек воды, упав на небольшой бугорок, выступавший налево. Бугорок зарос странными растениями, похожими на грибы, высокие и узкие фиолетовые бокалы которых усеивали мокрую красную почву. Мясистые отвороты чашечки каждого гриба показывали маслянистую желтую внутренность. За бугорком, над резко изогнутыми стеблями без листьев, виднелся просвет, заполненный вдали мутным, слабо розовеющим туманом. Впереди из тумана торчал какой-то искривленный голый сук, а на нем съежилось, втянув голову, непонятное живое существо.

Всматриваясь в изображение, Никитин вздрогнул — из-под фиолетовых грибов, скрывая тело в их гуще, выступала широкая параболическая голова, покрытая слизистой лиловато-бурой кожей. Огромные выпуклые глаза смотрели прямо на Никитина бессмысленно, непреклонно и злобно. Огромные зубы выступали из нижней челюсти, обнажаясь во впадинах края морды. Справа лился, освещая

---

¹ Битум — смолообразное вещество, обычно отход от сухой перегонки угля или нефти.

всю картину, какой-то тусклый жемчужный свет. Освещенный воздух казался черноватым, словно лился через закопченное, но прозрачное стекло...

Долго смотрел Никитин в это волшебное окно в прошлое, в жизнь мира каменноугольной эпохи. Триста пятьдесят миллионов лет легли уже между настоящим и тем временем, когда в редкой игре случая световые волны запечатлели свой снимок. Невероятно отчетливо виднелись злобные глаза невиданной твари, фиолетовые грибы, неподвижная вода и странный серый воздух. А в шахте слабо шипел прожектор и слышалось прерывистое дыхание людей...

Никитину показалось, что он сходит с ума. Он отшатнулся от аппарата. Реальные, грубо изломанные угольные стены, древние пни — может быть, остатки тех самых деревьев, которые сейчас, живые и стройные, видны в его аппарат... Сосредоточенные лица окружающих людей... Овладев собой, ученый поспешно приготовил камеру и сделал несколько цветных снимков.

На столе высилась стопка оттисков¹ статьи Никитина, и к каждому была приложена цветная репродукция пойманной тени прошлого. Надписав последний из назначенных к рассылке оттисков, палеонтолог вздохнул.

Давно уже не было ему так легко и радостно.

Теперь по его дороге пойдут многие, более молодые, может быть более талантливые. Раскрыта первая страница тайной книги природы. Кончилось одиночество на долгом и трудном пути! Но одиночество — оно было только в познании... В работе ему помогали многие десятки людей, не говоря уже о его сотрудниках — нет, совсем чужие, казалось бы, люди, далекие от науки...

Вереница знакомых лиц прошла перед мысленным взором ученого. Вот они, горняки, рабочие каменоломен, колхозники, охотники. Все они доверчиво и бескорыстно, не спрашивая о конечной цели, уважая в нем известного ученого, помогли ему найти и схватить тень минувшего.

Значит, он работал и пользовался их помощью в долг... Да, и теперь этот долг уплачен — вот откуда громадное облегчение!

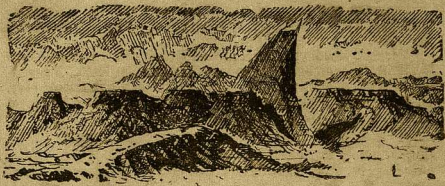
---

¹ Оттиски — здесь отдельные экземпляры напечатанной в журнале статьи.

Никитин вспомнил, как в этом же кабинете он не раз тосковал и сомневался в правильности своего жизненного пути.

Ученый улыбнулся, быстро набросал текст телеграммы Мириам, извещавшей ее о завтрашнем выезде. Уверенность в дальнейшем пути переполняла его радостью. Нет, он не сделал ошибки, не зря потратил годы на трудную борьбу с загадкой природы!

АК-МЮНГУЗ

(БЕЛЫЙ РОГ)

В синем пылающем небе медленно кружил гриф. Широко распластав крылья, он парил, неподвижно вися на огромной высоте.

Усольцев с завистью следил, как гриф то легко взмывал кверху, почти исчезая в слепящей жаркой синеве, то опускался сразу на сотни метров.

Усольцев вспомнил про изумительное зрение грифов. И сейчас гриф высматривает, нет ли где падали. Усольцев невольно внутренне содрогнулся — пережитая смертная тоска еще гнездилась в теле. Разум успокоился, но каждая мышца, каждый нерв помнили опасность, трепеща от страха. Да, этот гриф мог бы уже сидеть на его трупе, разрывая загнутым клювом обезображенное, разбитое тело...

Засыпанная обломками разрушавшихся обнаженных скал долина была раскалена, как печь. Ни воды, ни дерева, ни травы — только камень, мелкий и острый внизу, обрывисто громоздящийся угрюмой массой вверх. Разбитые трещинами утесы, нещадно палимые солнцем.

Усольцев поднялся с камня, на котором сидел, и, чувствуя противную слабость в коленях, пошел по скрежещавшему под ногами щебню. Невдалеке, в тени скалы,

стоял конь. Рыжий кашгарский иноходец насторожил уши и повернул голову, приветствуя хозяина тихим и коротким ржанием. Усольцев освободил повод, ласково потрепал лошадь по шее и вскочил в седло.

Долина быстро расширилась перед ним. Иноходец вышел на простор. Ровный уступ предгорий вдали круто спускался в бесконечную степь, затянутую туманом пыли и клубящимися струями нагретого воздуха.

Там, далеко за желто-серой полосой горизонта, лежала долина реки Или. Большая быстрая река несла из Китая свою кофейную воду в зарослях колючей джиды¹ и цветущих ирисов. Здесь, в этом царстве покоя, не было воды. Ветер, сухой и горячий, шелестел тонкими стеблями чия².

Усольцев остановил иноходца и, приподнявшись в стремени, оглянулся назад. Вплотную к ровной террасе прилежала крутая коричнево-серая стена, изрезанная короткими сухими долинками, разделявшими ее гребень на ряд неровных, острых зубцов. Посредине, подобно главной башне крепостной стены, выдавалась отдельная отвесная гора. Ее изрытая выпуклая грудь была подставлена знойным ветрам, а на самой вершине торчал совершенно белый зубец, слегка изогнутый и зазубренный. Он резко выделялся на фоне темных пород. Гора была значительно выше всех других, и ее острая белая вершина в самом деле походила на высоко взметнувшийся в небо гигантский рог.

Усольцев долго смотрел на неприступную гору, мучимый стыдом. Он, геолог, исследователь, отступил, дрожа от страха, в тот самый момент, когда, казалось, принял твердое решение. Он, неутомимый и стойкий исследователь Тянь-Шаня, на этот раз оказался малодушным. Как хорошо, что он поехал один, без помощников! Усольцев инстинктивно огляделся кругом, но палящий простор был безлюден, только широкие волны ветра шли по заросшей чием степи и лиловое марево неподвижно висело над уходящей на восток горной грядой.

Иноходец нетерпеливо переступал с ноги на ногу.

— Что же делать, Рыжик, поедем домой, — тихо сказал геолог коню, и тот, словно поняв хозяина, выгнул шею и двинулся вдоль уступа.

---

¹ Джиды — колючее дерево.

² Чий — высокий злак, растущий в степях.

Маленькие крутые копыта отбивали частую тропь. Быстрая езда успокаивала душевное смятение геолога.

С крутого спуска Усольцев увидел стоянку своей партии, бывшую «домом» уже в течение целого месяца. На берегу небольшого ручья, под сомнительной защитой филигранных¹ серебристых ветвей джидовой заросли, были раскинута две палатки и поднимался едва заметный столбик дыма. Подальше, уже на границе степи, стоял толстый карагач, словно придавленный тяжестью своей густой листвы. Под ним виднелась еще одна высокая палатка. Усольцев взглянул туда и с привычным ощущением грусти быстро отвернулся.

— Ребята не вернулись еще, Арслан?

Старообразный рабочий-уйгур, мешавший плов в большом казане, подбежал к лошади.

— Я сам расседлаю, а то пригорит у тебя... Нет, есть не хочу, жарко.

Узкие темные глаза уйгура внимательно взглянули на Усольцева.

— Наверно, опять Ак-Мюнгуз ездил?

— Нет. — Усольцев чуть-чуть покраснел. — В ту сторону, но мимо.

И он сосредоточенно занялся расстегиванием задней подпугови.

— Старики говорят — Ак-Мюнгуз даже орел не садится, он острый, как шемшир², — продолжал уйгур.

Усольцев, не отвечая, разделся и направился к ручейку. Холодная прозрачная вода дробилась на острых камнях и издавала казалась лентой измятого белого бархата. Звонкое переливное журчание было полно отрады после мертвых раскаленных долин и свиста сухого ветра. Усольцев, освеженный умыванием, улегся в тени под тентом, курил и раздумывал.

Сознание поражения отравляло отдых, вера в себя пошатнулась: Усольцев пытался успокоить свою совесть признанной недоступностью Белого Рога, но что-то не получалось. Он был глубоко задет своей неудачей, и его снова потянуло к той, которая уже давно была его неизменным другом, но только в мыслях. «Только в мыслях...», горько улыбнулся Усольцев. Сегодняшняя неудача надломилась

---

¹ Филигрань — искусная обработка металлических украшений, отличающаяся тонкостью и изяществом.

² Шемшир — меч.

волю, и, вопреки твердому решению, геолог поднялся и медленно пошел, все еще борясь с собою, к палатке под карагачом. Он неуверенно шагал, а внутри звучали слова недавнего разговора.

— Что пользы вспоминать об этом! — сказала она. — Все давно глубоко запрятано, затянута веревками, покрылось пылью...

— Пылью? — гневно спросил Усольцев. — Неужели пылью?

Он ушел тогда, не сказав ничего, с твердым решением больше не встречаться с ней.

Теперь работа снова свела их вместе: она заведовала шлиховой партией¹, обследовавшей район его съемки. Уже больше двух недель палатки обеих партий стоят рядом, но она так же далека и недостижима для него, как... Белый Рог. И все же он, избегавший лишних встреч, обменивавшийся с ней только необходимыми словами, идет взглянуть на нее. Еще одно поражение, еще одно проявление слабости — все равно...

На ящике у палатки сидела и шила полная девушка в круглых очках. Она дружелюбно приветствовала Усольцева.

— Вера Борисовна в палатке? — угрюмо спросил геолог.

— Да, сегодня что-то с ней случилось — читает запоем весь день.

— Входите, Олег Сергеевич, — раздался из палатки мягкий, чуть насмешливый голос. — Я узнала вас по походке.

— По походке? — повторил Усольцев, откидывая полу входа. — Разве она у меня какая-нибудь особенная?

— Пожалуй, она такая же угрюмая, как и вы сами.

Усольцев чуть не сказал, кому он обязан своей постоянной угрюмостью, но сдержался и робко взглянул в строгие серые, с золотистыми искорками глаза.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось, — поспешно проговорил Усольцев. — Просто вы скоро уезжаете, я зашел проведать вас на прощанье.

---

¹ Шлиховая партия — геологическая экспедиция, занимающаяся исследованием шлихов. Шлих — остаток тяжелых минералов, получающийся после промывки песков. По составу шлиха можно судить о рудоносности района.

— А у меня сегодня был день восхитительного безделья. Мои поехали в Подгорный за почтой. Управление телеграфировало еще на прошлой неделе об изменении дальнейшего плана. Должны прислать подробное распоряжение. Работа здесь кончена, и мы на отлете. А у меня прекрасная книга, прислали по почте — я весь день читала. Завтра тоже отдых, а там в новые места, скорее всего на Кегонь. Жаль, что здесь все было так неудачно...

— Чем вы объясняете, что содержание касситерита¹ в шлихах не увеличивается? — спросил Усольцев.

— Тем же, чем и раньше: верхние породы, вероятно бывшие рудоносными, полностью смыты. Теперь идет энергичный размыв нижней толщи.

— Да, если бы уцелели более высокие вершины, на них бы что-нибудь сохранилось, — согласился Усольцев.

— Вот единственно Белый Рог... Там наверху резко отличные породы, но он неприступен! — вздохнула Вера Борисовна.

— И, должно быть, очень крепкая порода — сверху ничего не падает, — подхватил Усольцев, — а более рыхлые сланцы сыплются прямо горами.

— Подождите лет пятьдесят, может быть Белый Рог обрушится, — пошутила Вера Борисовна. — Плохо вам, съемщикам: видит око, да зуб неймет.

— Нашли чем хвастаться — шлихами! Я бы ни за что не взялся за эту скучнейшую работу, — отпарировал Усольцев.

— Разве плохо искать месторождения по маленьким горсточкам черного шлиха? Разбирать эти микроскопические остатки исчезнувших толщ, постепенно и верно подвигаться вверх по речным долинам, все ближе к области древних оруднений... Погодите, еще немного лет, и будет составлена шлиховая карта для всего Союза!

Усольцев протянул руку к лежавшей на чемодане книжке.

— «Восхождение на Эверест»². Этим вы зачитывались весь день?

— Чудесная книга! На ее страницах отблеск гималайских вершин... Меня захватила — как бы вам сказать? — не самая атака Эвереста, а постепенное внутреннее вос-

---

¹ Касситерит — оловянный камень, окись олова.

² Эверест, или Гауризанкар, — высочайшая гора в мире (8840 метров), в Гималаях.

хождение, которое проделали в душе, каждый по-своему, главные участники... Понимаете, борьба человека за то, чтобы стать выше самого себя.

— Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, — ответил Усольцев. — Но ведь они так и не поднялись на самую вершину Эвереста?

Глаза Веры Борисовны потемнели.

— Да, с вашей точки зрения это было поражением. Они сами признавали это. «Нам нет извинения, мы разбиты в этом честном сражении, побеждены высотой горы и разреженностью воздуха», — прочитала Вера Борисовна, взяв книгу из рук Усольцева. — Но разве этого мало — выбрать себе высокую цель, пусть несоразмерную с вашими данными, и вложить всего себя в ее достижение? Я так ясно представляю себе Эверест. Обнаженная скалистая гора. На недоступной высоте ужасные ветры, даже снег не держится. Вокруг страшные пропасти. Рушатся ледники, скатываются лавины. И люди упорно ползут наверх, вперед... Если бы мы могли почаще ставить себе подобные цели! Побольше бы таких людей, и жизнь сильно изменилась бы...

Усольцев молча слушал молодую женщину, потом мягко возразил:

— Вера Борисовна, ведь только единицы способны на такие сверхъестественные подвиги. И Эверест, в конце концов, он тоже только один в мире.

— Неправда, просто неправда! У каждого могут быть свои Эвересты. Нужно ли вам называть примеры из нашей реальной жизни... А война, разве она не дала героев, поднявшихся выше собственных сил?

— Но тот, настоящий Эверест — он безусловен для всех и каждого, — не сдавался Усольцев. — А в выборе своего Эвереста можно ведь и ошибиться.

— О, вы, конечно, правы, именно выбрать очень трудно. Тут, если нет способности отличать настоящее... Высоких дел грязными руками не сделаешь.

— Это не совсем так, Вера Борисовна, — я, кажется, понял сейчас. Для того чтобы даже подойти к Эвересту, нужна долгая подготовка.

— Это вы хорошо сказали! — воскликнула молодая женщина. — Ведь может случиться так, что вы вкладываете все, что в вас есть, в Эверест, а на деле он оказывается маленькой горушкой, ну хоть вроде этих наших... Какой жалкий конец!

— Вроде этих наших? — переспросил Усольцев.

В этот момент он с потрясающей отчетливостью вспомнил, как всего несколько часов назад он распластался на крутом каменистом откосе, по которому, как дробь, катились мелкие угловатые кусочки щебня. Пытаясь удержаться, он прижимался к склону всем телом. Чувствовал, что при малейшем движении вниз или вверх он неминуемо рухнет со стометрового обрыва. Как медленно текло время, пока он, собирая всю волю, боролся с собой и наконец, решившись, толчком бросился в сторону, покатился, перевернулся и повис на скрюченных, вонзившихся в маленькие трещины пальцев. Одинокая, молчаливая борьба в смертной тоске...

Усольцев вскинул голову, смотря мимо собеседницы, вытер выступивший на лбу пот и, не прощаясь, ушел.

Четыре головы склонились над придавленной камушками картой. Палец прораба царапал бумагу сломанным ногтем.

— Сегодня мы дошли наконец до северо-восточной громады планшета¹. Вот здесь эта долинка, Олег Сергеевич. Там опять сброс — впритык стоят древние диориты². Следовательно, конец нашего островка метаморфической³ толщ, последняя точка.

Прораб начал развязывать мешочки, спеша до темноты показать образцы.

Усольцев разглядывал изученную до мельчайших подробностей карту. За извивами горизонталей, стрелками, за цветными пятнами пород перед геологом вставало законченное представление о строении окружавшей местности. Совсем недавно, — что такое миллион лет по геологическим масштабам! — низкое, ровное плоскогорье раскололось гигантскими трещинами; здесь двигались большие участки земной коры, опускаясь и поднимаясь. На севере образовался провал — теперь в этой котловине течет река Или и расстилается широкая степь. К югу отсюда, где стоят их палатки, поднимается уступами, как гигантская лестница, хребет. На самых высоких уступах работа воды, ветра и солнца разрушила ровные ступени, образовав

¹ Планшет — отдельный участок карты.

² Диорит — горная порода глубинного происхождения.

³ Метаморфические породы — осадочные породы, преобразовавшиеся в недрах Земли под воздействием высокой температуры и давления.

беспорядочное скопище горных вершин. Верхние пласты на этих горах нацело снесены. Они рассыпались и легли рыхлыми песками и глинами на дно низкой котловины. Но вот этот первый уступ — он должен хранить под покровом наносов те породы, которые исчезли на горах, его поверхность не подвергалась размыву. Если бы пробить верхний покров уступа шурфом¹ или шахтой — он не более тридцати метров толщины... Но для того чтобы предпринимать такую дорогую работу, нужно знать хотя бы приблизительно, что обещает эта исчезнувшая на горах верхняя толща. Ответ на этот вопрос может дать только Белый Рог — на его неприступной вершине уцелел маленький островок верхних слоев. Грань между темными метаморфическими породами и загадочным белым острием видна совершенно отчетливо — падение в сторону сброса. Следовательно, нет сомнения, что в спущенном участке эта белая порода полностью сохранилась...

Усталые за день помощники Усольцева быстро заснули. Чистый холодный воздух спускался сверху на теплую землю. Лунный свет струился зеленоватыми каскадами по коричневым обрывам.

Усольцев лежал в стороне от палаток, подставляя ветру горящие щеки, и старался уснуть. Он снова переживал свое неудачное восхождение на Белый Рог. Он считал чудом свое спасение от неминуемой гибели и в то же время знал, что повторит попытку.

«Теперь же, на рассвете, — решил он, — пока не зашла луна, нужно достать зубила».

Усольцев встал, осторожно пробрался между веревками палаток к ящику со снаряжением и, стараясь не шуметь, принялся выкладывать лежавшие сверху вещи.

Из дальней палатки послышалось тихое пение. Усольцев прислушался — Вера Борисовна что-то пела.

— «Узнаешь, мой княже, тоску и лишения, великую страду, печаль...» — разлилось по выбеленной лунной степи.

Усольцев захлопнул крышку ящика и вернулся на свое место.

«Нет, подожду немного, пока уедет. Если разобьюсь, подумает всякое... Тут еще этот разговор об Эвересте. Совсем не хочу. Хорош Эверест в триста метров высоты!»

---

¹ Ш у р ф — колодезобразная разведочная выработка.

— Куда нам сегодня, Олег Сергеевич? — спросил Усольцева прораб.

— Никуда. Планшет окончен. Даю вам два дня на приведение в порядок съемки и коллекций. Потом поедете в Киргиз-сай за подводой.

— Значит, переедем поближе к границе?

— Да, в Такыр-Ачинохо.

— Это хорошо, Олег Сергеевич, там места много лучше. Горы повыше и рощицы есть, не то что здешнее пекло. А вы сегодня отдыхать будете?

— Нет, проедусь вдоль главного сброса.

— К Ак-Мюнгuzu?

— Да, туда и дальше...

— Знаете, я забыл вам передать... Когда я был в Ак-Таме, мне рассказывал начальник погранотряда. Оказывается, на Ак-Мюнгуз пробовали взбираться альпинисты. Приезжали какие-то особые спецы из Алма-Ата...

— Ну и что? — с нетерпением перебил Усольцев.

— Ничего не вышло. Признали Белый Рог абсолютно неприступным.

Редкая пыль тянулась за рыжим иноходцем. Усольцев ехал изучать непобедимого врага. Белый Рог повис над ним своей выдвинувшейся в степь громадой, словно чудовищный бык, пытающийся подняться из захлестнувших его волн каменного моря. Прямо к подножию горы ветер накатывал клубки сухих колючих растений. Здесь когда-то зияла трещина, здесь терлись друг о друга два передвигавшихся горных массива. Следы этого трения остались на груди утеса, кое-где поблескивая полированным камнем. Темносерые и шоколадные метаморфические сланцы, пересеченные тонкими жилами кварца, были наклонены внутрь горы и образовали мелкослоистую поверхность обрыва, подобную стене из тонких, плотно сложенных плиток. Как ни напрягал свое воображение Усольцев, ни малейшей надежды взползти хотя бы на полсотни метров с этой стороны Ак-Мюнгуса не было. Восточный отрог горы представлял собою острое, как нож, ребро, глубоко выщербленное в середине. Нет, единственный путь — с юго-западной стороны, из долины, отделяющей Белый Рог от других вершин. Там, где ему удалось подняться почти на сто метров, на треть высоты страшной горы. До вершины оставалось еще двести метров, и каждый из них был смертью.

Усольцев вспомнил слова старого профессора, своего учителя полевой геологии. Этот маленький сухой старичок с необыкновенной ловкостью лазил по самым крутым обрывам, восхищая молодых практикантов.

— Помните вы, горячие головы, — поучал их профессор: — когда взбираетесь на трудное обнажение, пятнадцать метров — это наибольшая высота, упав с которой, вы можете остаться в живых. Больше пятнадцати метров — все равно сколько, двадцать или две тысячи...

Высоко закинув голову, Усольцев взглянул на белое острое горы. Двадцать раз по пятнадцати — и все триста смертей...

Если бы иметь специальное снаряжение, крючья, веревки, опытных товарищей... но где все это взять? У альпинистов было все, что нужно, и они отказались от подъема на Белый Рог. Видимо, их опытный взгляд заметил такие особенности, которых он, не альпинист, не может по-настоящему оценить. Взять помощника — погубить двух людей вместо одного. Нет, если попытаться опять, то только одному.

Усольцев повернул коня и поехал вокруг Ак-Мюнгаза, к устью сухой долины. «Эверест, Номо, Макалу, Кангченгюнга — высочайшие пики Гималаев... — думал он. — Что Гималаи! — совсем близко отсюда светящийся голубой Хан-Тенгри, алмазные зубцы Сарыджаса». Прекрасные и грозные снежные вершины, мир прозрачного воздуха и чистого света... Все это как-то невольно настраивает на подвиг. А тут — низкие, угрюмые, осыпанные обломками горы, тусклое, лиловое от жара небо, пыль и дрожащее степное марево. Нет, не нужно преувеличивать, этот ветреный палящий простор тоже прекрасен, и в этих обломках развалившихся гор есть свое особенное грустное очарование. Даже в висящих у горизонта бледных, простых по очертаниям облаках — тоже печать сухой Азии, страны обнаженного камня и молчаливой печали.

Вот этот столб пегматита, похожего на рваное мясо, пересекающий темную массу сланцев. По его выступам с серебряными зеркальцами слюды Усольцев тогда добрался до идущей наискось на высоте второй жилы. Но дальше пути не было. Он пытался ползти по крутому склону, извиваясь, как червяк. Склон оказался покрытым мелкими кусочками щебня, катившимися под его телом, как дробь, и не дававшими ни малейшей опоры. Здесь чуть было и не произошла катастрофа...

Усольцев спешился и поднялся на противоположный склон долины. Нет, ничего не выйдет, не обойдешь эту крутизну! Если бы одолеть северо-западное ребро — оттуда почти до самого рога ровная поверхность склона. А какими силами удержишься на нем? Ведь спустить веревку с пика некому... Усольцев проследил взглядом за протянутым мысленно канатом и вдруг заметил у основания белого зубца небольшую площадку, вернее выступ нижних черных пород, примыкающий к отвесной белой стенке. Поверхность площадки понижалась к зубцу и почти не была видна снизу.

«Странно, я раньше не видел этой площадки. Правда, для меня она не имеет значения: добраться до нее — это значит добраться до зубца».

Усольцев устал стоять и, найдя удобный выступ, улегся, не спуская глаз с горы. Замечая все новые подробности, отбрасывая ненужные, он постепенно обдумывал план подъема и одновременно все больше убеждался в почти полной невозможности предприятия.

— Какой прохладный вечер! — сказал прораб, лениво развалившись на кошке в ожидании чая.

— Так бывает на середине луны, — пояснил Арслан. — Потом пять дней дует сильный ветер, оттуда, — и уйгур махнул рукой в сторону Или. — Бывает совсем холодно.

— Отдохнем от жары перед отъездом. Верно, Олег Сергеевич?

Усольцев молча кивнул.

— Товарищ начальник какой стал: сидит, молчит. Раньше почему был другой? — Уйгур залился мелким смешком, но глаза его оставались серьезными и непроницаемыми.

— Они оба, Арслан, и Олег Сергеевич и Леша, мрачные сидят. Ну, насчет Леши понятно: завтра ведь Вера Борисовна уезжает — пропали прогулочки с Галей, разлука надолго. А что с Олегом Сергеевичем, ума не приложу, — заметил прораб.

— Я понимаю, — осклабился уйгур: — начальник Ак-Мюнгуз любит. Скоро ехать Ачинохо — как бросать будет? Галя лучше, с собой увозить можно. Ак-Мюнгуз нелзя!

Молодежь расхохоталась, улыбнулся и Усольцев. Ободренный успехом шутки, Арслан продолжал:

— У нас старый сказка есть, как один батур влез на Ак-Мюнгуз.

— Что же ты раньше не говорил, Арслан? Расскажи! — воскликнул с интересом прораб.

— Джахши¹, чай готовлю, потом буду рассказать, — согласился Арслан.

Старый уйгур поставил на середину кошмы чайник, вытащил пиалы и лепешки. Уселся, скрестив ноги, и, прихлебывая чай, начал рассказ.

Усольцев слушал с жадным вниманием. Несмотря на ломаную русскую речь уйгура и бедность чужих для него слов, воображение наделяло легенду яркими, горячими красками. Такой она, вероятно, и была на самом деле у поэтических жителей Семиречья.

Усольцева поразило, что, по словам уйгура, все это произошло сравнительно недавно, лет триста тому назад.

Легенда так совпадала с его собственными намерениями, что геолог не переставал думать о ней и тогда, когда все уже улеглись спать. Усольцев лежал под яркими, близкими звездами, вспоминая рассказ Арслана и наделяя его новыми подробностями.

Всей этой областью владел могучий и храбрый хан. Его кочевой народ обладал многочисленными стадами, постоянно умножавшимися благодаря набегам. Однажды хан предпринял с большим отрядом далекое путешествие и дошел до Таласа. Недалеко от древних стен Садыр-Кургана хан наткнулся на орду свирепых джете². Завязался кровопролитный бой. Джете были разбиты и бежали, а хану досталась богатая добыча. Но больше всего радовался хан необыкновенной красоте одной женщины. Она была похищена джете в Ферганской долине, на пути из какой-то далекой страны к отцу, служившему при дворе могущественного кокандского повелителя. Ее красота, совсем иная, чем у здешних женщин, околдовывала и зажигала сердца.

Хан привез пленницу к родным горам, и здесь она стала любимой женой хана. Певцы пели о ее красоте и, поощряемые ханом, слагали все новые песни.

Прошло два года. Снега уже высоко поднялись на

¹ Джахши — хорошо.

² Джете — собирательное название разбойничьих племен в древнем Семиречье.

склонах гор, когда хан раскинул свой лагерь у края зеленой глади Каркаринской долины. К нему съезжались на пир владыки соседних дружественных племен; все больше юрт вырастало на равнине.

Неожиданно к хану прибыл высокий мрачный воин. Он приехал совершенно один, не на коне, а на огромном белом верблюде с короткой, мягкой, как шелк, шерстью. Странен был и наряд его: лицо обвязано черным платком, на голове золоченый плоский шлем со стрелой; широкая кольчуга спадала до половины бедер, а колени были обнажены и снизу стянуты черными ремнями. Меч, два кинжала, маленький круглый щит и большой топор на длинной рукоятке были его вооружением.

Приезжий потребовал, чтобы его провели к хану. Неторопливо сложил он на белой кошме свое оружие, опустил на шею платок, закрывший рот, почтительно и смело поклонился владыке. Его суровое лицо было отмечено следами большого и тяжелого труда воина и начальника, храбреца, неспособного на низкие поступки. Хан любовался чужеземцем. Тот заговорил, и язык его был понятен всем столпившимся вокруг.

— Великий хан, — сказал приезжий, — я приехал к тебе из далекой и жаркой страны, где страшный пламень солнца жжет мертвые пески по берегам горячего красного моря. Долги и трудны были мои поиски, целый год блуждал я по горам и долинам от Коканда до синего Иссык-Куля, пока слухи и рассказы не привели меня к тебе. Скажи, у тебя ли находится девушка, прозванная вами Сейдиуруш, взятая у джете Таласа?

Хан утвердительно наклонил голову, и воин продолжал:

— Эта девушка, хан, моя нареченная невеста, и я поклялся, что никакие силы неба и ада не разлучат меня с ней. Три года воевал я на границах Индии и в страшной пустыне Тар, вернулся и узнал, что родные, не дождавшись меня, послали ее к отцу. Снова пустился я в далекий и опасный путь, сражался, умирал от жажды и голода, прошел множество чужих стран — и вот я здесь перед тобою. Быстро мчится река времени по камням жизни, я уже немолод, но все попрежнему бесконечно сильна моя любовь к ней. Скажи, о хан, разве не заслужил я ее? Верни мне ее, могущественный повелитель. Она тоже долго ждала часа моего возвращения. Я знаю, не может быть иначе.

Легкая улыбка пробежала по грозному лицу хана. Он сказал:

— Благородный воин, будь моим гостем. Останься на пир, сядь в почетном ряду. А вечером тебя проведут ко мне, и сбудется, что начертал Аллах.

Суровый воин принял приглашение.

Веселье гостей возрастало. Наконец появились певцы. После любимой песни хана о горном орле зазвучали песни, восхвалявшие Сейдюрush, возлюбленную хана. Хан украдкой взглядывал на чужеземца. Все больше мрачнело лицо воина. Когда старый певец — гордость народа — прочел о том, как любит Сейдюрush своего повелителя, как она покорна ему, вскопчил чужой воин и крикнул старику:

— Замолчи, старый лжец! Как смеешь ты клеветать и порочить ту, у которой недостойн даже ползать в ногах!

Ропот негодования пронесся по толпе гостей. Старшие вступились за оскорбленного певца, пылкие юноши были разгневаны презрительным высокомерием воина. Сильной, не знающей пощады рукой он отбросил двух юношей, кинувшихся на него, и вот на пиру у хана засверкали мечи.

Воин огромным прыжком бросился к своему оружию, схватил щит и длинный топор. Прижавшись спиной к скале, он встретил толпу нападавших. Они разбились о него, как о твердый камень, отхлынули, бросились вновь. Два, три, пять человек покатались, обливаясь кровью, а воин был невредим. С быстротою молнии рубил он направо и налево, убивая лучших джигитов. Бой продолжался. Все более грозным становилось лицо воина, все страшнее удары его топора. Но тут хан властным окриком остановил сражение.

Нехотя отступили разъяренные джигиты, сжимая мечи. Опустил топор и чужеземец и стал перед лицом хана, неподвижный и страшный, обгаренный кровью.

— Чего хочешь ты, проливший столько крови? — гневно спросил хан.

— Правды, — ответил воин.

— Правды? Хорошо, так знай же! Я, не сказавший никогда лживого слова, говорю тебе: все, о чем пели певцы, истинная правда!

Вздрогнул чужеземец, выронил топор и щит. Старым и измученным стало его лицо.

— Что же, ты попрежнему просишь отдать ее тебе? — спросил хан.

Воин, сверкнув глазами, выпрямился, как распрямляется согнутый арабский клинок.

— Да, хан, — был твердый ответ.

В жестокой усмешке оскалил зубы хан.

— Хорошо, я отдам ее тебе, но ты заплатишь за это дорогой ценой.

— Я готов, — бестрепетно ответил воин.

Хан задумался.

— Теперь год быка¹, — обратился он к гостям. — Помните пророчество, написанное над входом древнего гумбеза², который стоит вблизи Ак-Мюнгуга: «В год быка, кто положит свой меч на рог каменного быка, пронесет свой род на тысячи лет». Несколько храбрецов погибли, пытаясь выполнить эту задачу, но Ак-Мюнгуг остался недоступным... Вот твоя плата, храбрец, — повернулся хан к неподвижно слушавшему воину: — поднимись на Ак-Мюнгуг и положи мой золотой меч на его вершину. Исполни древнее пророчество, и тогда — слово мое твердо — ты получишь женщину.

Радость и страх охватили присутствующих. Приказ хана звучал смертным приговором без всякой надежды на спасение.

Но чужеземец не дрогнул; его мрачное лицо осветилось гордой улыбкой.

— Я понимаю тебя, хан, и выполняю твою волю. Только знайте, ты, повелитель, и вы, его подданные: каков бы ни был конец, я сделаю это не ради своей любимой, не ради Сейдюрш, — я иду защищать поруганную ею честь своей свободной и гордой страны, вернуть в глазах вашего народа славу далекой родины. Милость всемогущего бога будет со мной!

По приказу хана, оружейники принесли его знаменитый золотой меч, чтобы сохранился он навеки на вершине Ак-Мюнгуга. Залили салом волка ножны, обвинили просмоленной тканью. Множество народа поехало к Ак-Мюнгугу. До горы был целый день пути, и только к вечеру хан и его гости слезли с утомленных коней на широком уступе у подножия страшной горы. Хан приказал воину отдохнуть, и тот безмятежно проспал ночь под стражей воинов хана.

¹ Год быка. — Мусульманский календарь имеет двенадцатилетний цикл. Каждый год цикла имеет название животного: год мыши, год барса, год быка и т. д.

² Гумбез — древняя могила знатного человека.

Наутро выдался хмурый, ветреный день, словно само небо гневалося на дерзость храбреца. Ветер свистел и сто-нал, обвевая неприступную кручу Ак-Мюнгуга. Чужой воин разделся и, оставшись почти обнаженным, привязал к спине ханский меч, а сверху накинул свой широкий бе-лый бурнус.

И он сделал то, что не удавалось ни одному храбрецу за все время, пока стоит Ак-Мюнгуг: он положил меч на вершину рога и спустился обратно. Шатаясь, стоял он пе-ред ханом, весь изодранный и окровавленный.

И хан сдержал слово — к воину привели Сейдюрш. Она испуганно отшатнулась при виде его. Но воин власт-но привлек ее к себе, открыл ее прекрасное лицо и впил-ся в него мрачным, тяжелым взглядом. Затем, мгновенно выхватив спрятанный за поясом острый нож, он пронзил сердце своей дорогой невесты, которую так долго искал.

С яростным воплем сыновья хана бросились к чуже-земцу; но хан гневно остановил их:

— Он заплатил за нее величайшей для человека це-ной, и она принадлежит ему. Пусть уедет невредимым. Верните ему оружие и верблюда.

Чужеземец гордо поклонился хану, и вскоре его высо-кий белый верблюд скрылся за далеким отрогом Кет-меня.

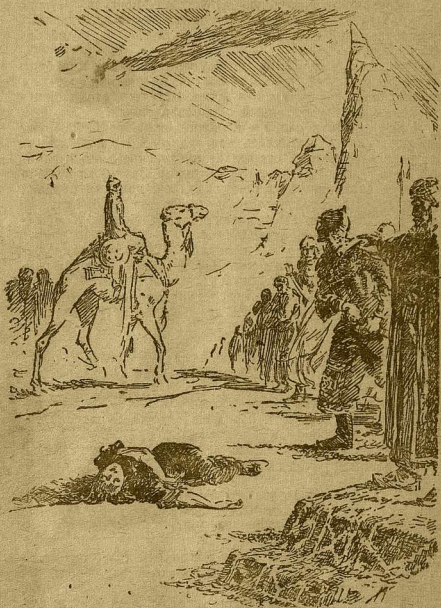
— Вы мне не нужны, Леша, — сказал Усольцев обра-дованному коллектору. — Поезжайте вместе со всеми в Подгорный.

— Олег Сергеевич, — вмешался прораб, — вы ему по-дарок сделали. Вера Борисовна в Подгорном, наверно, за-держится — парень свою Галю увидит.

— Будет, будет, довольно вам над Лешей издеваться! Только возвращайтесь скорее с подводой.

Иноходец раскачивался под Усольцевым, копыта сколь-зили по камням. Облака быстро бежали по небу, гонимые могучим валом ветра; лишенные яркого освещения, горы выглядели суровыми.

Часто и сильно билось сердце, в нем не было прежнего страха — только грудь теснилась грозным ожиданием не-избежной, но не страшной судьбы. Умереть мгновенно, рухнув с отвесной скалы, полному силы, в момент дости-жения цели, здесь, в светлой свободной степи, под чистым, солнечным небом? Разве лучше, прожив еще, может быть,

много лет в тесном городе, умереть от болезни, превращающей человека в жалкую развалину?

Усольцев спешился и, нежно погладив иноходца, поцеловал его в мягкую верхнюю губу. Оттолкнув голову коня, он хлопнул его по крупу. Рыжий конь отошел немного и, изогнув шею, смотрел на хозяина.

— Иди пасись, — строго сказал ему Усольцев, чувствуя, как волнение сдвигает горло.

Геолог снял лишнюю одежду, привязал к руке длиннохвостый молоток. На твердом обрыве Белого Рога молоток был бесполезен. Он был нужен для забивания зубил и — потом, если удастся...

Усольцев решительно сбросил ботинки. Острые камни скоро изрежут ему ноги, но если он взлезет, то только босиком. Геолог повесил спереди открытый мешок с зубилами и двинулся к красному столбу пегматитовой жилы¹.

Окружающий мир и время перестали существовать, исчезнув в глубокой пропасти. Осталась лишь отвесная каменная стена, по которой карабкался Усольцев.

Все физические и духовные силы его были собраны в том гибельном для слабых, последнем усилии, вынести которое дано не каждому человеку...

Прошло несколько часов. Усольцев, сотрясаемый дрожью напряжения, остановился, прижавшись к бесстрастной отвесной каменной груди. Он находился уже много выше того места, где повернул направо при первом подъеме. От главной жилы отходила тоненькая ветвь мелкозернистого пегматита, пересекавшая склон наискось, поднимаясь вверх и налево. Ее твердый верхний край едва заметно выступал из сланцев, образуя карниз сантиметра в два-три шириной. По этой жиле можно было бы приблизиться к срезу западной грани горы — там, где она переламывалась и переходила в обращенный к степи главный северный обрыв Белого Рога. Выше склон был сравнительно не так крут и давал надежду подняться на значительную высоту.

Обдумывая план подъема, Усольцев предполагал забить в трещинах сланцев выше тонкой жилы несколько зубил и с их помощью удержаться на карнизе.

И вот, прилепившись к стене на высоте ста пятидесяти метров, геолог понял, что не может оторвать руку от скалы даже на ничтожную долю секунды. Положение каза-

---

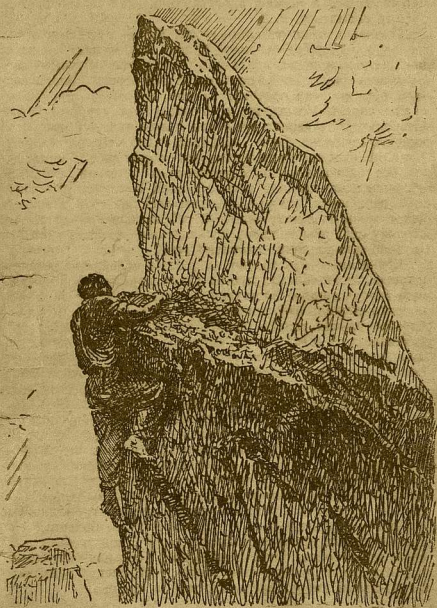
¹ Пегматит — жильная порода, разновидность гранита.

лось безнадежным. Чтобы обойти выступающее ребро и шагнуть на карниз, ему нужно было ухватиться за что-то, а вбить зубило было невозможно.

Распростертый на скале, геолог с жадной надеждой рассматривал нависший над ним обрыв. В глубине затвердевшей в своем порыве души начала просачиваться леденящая струйка отчаяния. Вплотную надвинулась неизбежность падения, и в тот же миг ярко блеснула мысль: «А как же тот, чужеземный воин?..»

Усольцев внезапно шагнул в сторону, перебросил тело через выступ ребра, вцепился сведенными пальцами в гладкую стену и... качнулся назад. Со страшной болью, будто разрываясь, напряглись мышцы живота. Тело пыталось задержать неминуемое падение. В ту же секунду порыв вырвавшегося из-за ребра горы ветра мягко толкнул Усольцева в спину. Стиснутое смертью тело, получив неожиданную поддержку, выпрямилось и прижалось к стене. Усольцев был на карнизе. Здесь, за ребром, ветер был силен, его мягкая мощь поддерживала геолога. Усольцев почувствовал, что он может двигаться по карнизу жили, несмотря на подъем ее вверх. Он поднялся еще на пятьдесят метров выше, удивляясь тому, что все еще не упал. Ветер бушевал еще сильнее, давя на грудь горы, и вдруг Усольцев понял, что он может выпрямиться, идти прямо по ставшему менее крутым пути... Медленно опуская при каждом шаге окровавленную ступню, Усольцев ошупывал почву, сдвигал в сторону осыпавшуюся вниз разрыхленную корку и только тогда ставил ногу. Так, медленно-медленно, он поднимался все выше. Ветер ревел и свистал, щебень шуршал, скатываясь, а Усольцева охватило странное, грозное веселье. Он словно парил в высоте, почти не опираясь на скалу, и уверенность придавала ему новые силы.

Наконец Усольцев уперся в гладкую отвесную стену высокого цоколя. На нем, все еще на большой высоте, стремился в облака острый конец рога. Почти бессознательно Усольцев отметил, что белая масса рога вблизи казалась испещренной крупными черными пятнами. Но это впечатление сейчас же стерлось от возрастающей радости сознания, что все двенадцать зубил сохранились неизрасходованными. Стена примерно на высоте десяти метров была настолько плотна и крута, что никакие силы не помогли бы ему преодолеть это препятствие. Опытный глаз геолога легко находил слабые места каменной брони —

трещины, места соприкосновения различных слоев. Усолец стал забивать сюда зубила поглубже. Он взял с собой самые тонкие и легкие, а достаточно было только одному зубилу сломаться, и...

Поднявшись по зубилам, геолог был вынужден перейти на южную сторону каменной башни, против падения сланцев. Головы слоев¹ создавали небольшие уступы — возможность дальнейшего подъема. Здесь ветер, бывший верным другом, стал опасным врагом, и только прикрытие скалы спасло Усольца от падения под ударами ветра. Несколько раз геолог срывался с осыпавшихся выступов и долго висел на руках, обливаясь холодным потом и судорожно нащупывая пальцами ног какую-нибудь поддержку. Все большее число смертоносных метров губительного подъема уходило вниз. Наконец Усолец в последних, отчаянных усилиях, дважды соскальзывая и прощаясь с жизнью, сумел опять переброситься на западную сторону вершины и, вновь подхваченный ветром, уцепился за край площадки у основания рога.

Без всякого чувства победы, без мыслей, словно оглушенный, геолог подтянулся на руках, повалился на наклонную внутрь ровную площадку величиной с небольшой стол и долго лежал, изнуренный десятью часами смертельной борьбы, слыша только однообразный резкий вой ветра, разрезаемого острым лезвием рога. Потом в сознание вошли низко летящие над вершиной облака. Усолец поднялся на колени, повернувшись лицом к загадочной белой породе. Она была теперь перед ним, упиралась в его плечо, вздымалась еще на несколько метров вверх. Ее можно было ощупать рукой, отбить сколько угодно образцов.

Достаточно было одного взгляда, чтобы распознать в белой породе грейзен — измененный высокотемпературными процессами гранит, переполненный оловянным камнем — касситеритом. В чисто белой массе беспорядочно смешивались серебряные листочки мусковита, жирно блестящие топазы, похожие на черных пауков турмалиновые солнца и — главная цель его предприятия — большие, массивные бурые кристаллы касситерита. Этот грейзен имел свои особенности, ранее неизвестные Усолецу. От самого гранита почти ничего не осталось — его место занял молочно-белый кварц, очень плотный и крепкий.

---

¹ Головы слоев — края наклонных пластов породы, выступающих наружу.

«Похоже на полностью измененную пластовую интрузию¹, — подумал Усольцев. — Если это так, то месторождение, скрытое внизу под степью, может быть огромным. Руда очень богата».

Геолог взглянул вниз. Гора убегала туда круто и внезапно; основание ее тонуло в клубящейся стальной пелене несомой ветром пыли. Усольцев стоял, как на невероятно высоком столбе, ощущая беспредельное одиночество. Ему казалось, что между ним и миром, лежащим внизу, оборвалась всякая связь.

И действительно, между ним и обычной жизнью лежала еще не пройденная смертная грань — спуск был опаснее подъема.

И еще он понял, не рассуждая, что если ему суждено будет вернуться в жизнь, он будет уже не прежним. Сверхъестественное усилие, вложенное в достижение цели, как-то изменило его душу.

С усилием сбросив чары крутизны, Усольцев принялся выполнять долг исследователя. Много труда стоило обнаружить тонкие, как ниточки, трещины в стекловатой слитности кварца, но зато под терпеливыми ударами молотка вниз с грохотом полетели крупные куски белой породы. Усольцев внимательно следил за их падением — они подсакивали на гранях горы и, свистя, летели в долину. Геолог отметил место их падения на плане, набросанном в записной книжке, затем аккуратно записал элементы залегания пород вершины, начертил контур предполагаемого месторождения, прибавил несколько слов о направлении поисков.

Он открыл первую страницу и написал поперек крупно и четко: «Внимание! Здесь данные об открытом мною месторождении Белого Рога». Положив книжку в карман, он застегнул пуговицу. На секунду мелькнула картина — как поворачивают его разможенный труп, ищут в карманах... Усольцев зажмурился и размотал взятую с собой веревку. Она была коротка, но все же ее должно было хватить на спуск по отвесному основанию Рога до вбитых им зубил.

«Где же закрепить — вот за этот выступ? Выгоднее бы пониже, на самой площадке».

---

¹ Пластовая интрузия — вторжение из глубинных частей Земли магмы между пластами осадочных пород, после остывания принимающей вид пласта.

В поисках трещины геолог начал разрывать молотком тонкий слой щебня. Ветер выл все сильнее, подхватывая крупные осколки, ударяя ими по лицу и рукам Усольцева. И вдруг молоток звякнул о металл — этот тихий звук потряс геолога безмерным удивлением. Усольцев вытащил из-под щебня длинный тяжелый меч, золотая рукоять которого, обдута ветром, ярко заблестела. Какие-то ислевшие лохмотья разлетелись вокруг.

Усольцев оцепенел: образ воина — победителя Белого Рога из народной легенды встал перед ним, живой, реально существовавший. Призрак прошлого, так прочно связанного с настоящим, подлинное бессмертие достижений человека вначале ошеломили его. Немного спустя геолог почувствовал, что новые силы вливаются в его усталое тело. Будто здесь, на этой недоступной никому высоте, к нему прикоснулся со словами ободрения близкий и любимый друг. Охваченный горячей благодарностью, Усольцев легко поднялся и накинул веревочную петлю на маленький выступ белой породы. Осторожно поднял драгоценный меч, крепко привязал его за спину и, улыбаясь, подошел на площадку свой геологический молоток...

У основания отвесного фундамента Белого Рога геолог остановился, выбирая путь. Прямо на Усольцева надвигалось плотное облако, гонимое ветром. В полете косо вздымавшейся белой массы, свободно висевшей в воздухе, была необъяснимая отвага. Страстная вера овладела сознанием Усольцева. Он подставил грудь ветру, широко раскинул руки и вдруг, в легкой радости полета, начал быстро спускаться по склону, стоя и держа равновесие только с помощью ветра. И ветер не обманул человека, с ободряющим ревом поддерживая его, и геолог, переступая босыми ногами, пятная склон кровью, спускался все ниже. С невероятной легкостью Усольцев достиг узкого карниза, миновал и его.

Тут ветер угас, задержанный выступом соседней вершины, и снова началась безысходная, смертельная борьба. Усольцев скользил по склону, раздирая тело, кроша ногти, переворачивался, задерживался, снова сползал. Сознание окружающего исчезло совсем, осталась только необходимость цепляться, цепляться изо всех сил за каждый выступ каменной стены, судорожно искать под собою ускользающие точки опоры, с жуткой обреченностью вжиматься в камень, борясь с отрывающей его от горы, бес-

пощадно тянущей вниз силой. Иногда его спасал привязанный за спиной меч, цеплявшийся за камни.

Никогда впоследствии Усольцев не смог вспомнить последний этап своего спуска с Ак-Мюнгуга. В памяти сохранился только самый последний момент.

Больше не оставалось ни сил, ни воли. Усольцев отпустил изодранные руки, коснулся ногами острого выступа камня, качнулся назад и упал на спину, достигнув дна долины, уже тонувшей в темноте.

Он открыл глаза и увидел над собой золотое утреннее небо. В небе совсем низко — так, что виднелись растопыренные перья крыльев — кружил большой гриф.

Усольцев долго смотрел на птицу, и память медленно возвращалась к нему. Он сообразил, что гриф спустился на этот раз прямо к нему. Но он не только не погиб, он победил Белый Рог, и гриф больше не властен над ним!

Усольцев попытался сесть, но что-то мешало ему. Геолог нащупал привязанный за спиной меч, освободился от него и сел. И сразу его охватили переживания вчерашнего дня. У него закружилась голова. С ужасом увидел он свои обезображенные, почерневшие от крови ноги и руки, изодранную, перепачканную кровью одежду, но, пошевелившись, убедился, что кости целы. Тогда, не обращая внимания на рвущую боль в ступнях, геолог встал, услышал приветливое ржание своего коня и снова погрузился во мрак...

Холодная вода лилась на лоб, попадала в рот. Усольцев глотал без конца, утоляя ненасытную жажду. И опять увидел над собой голубой небосвод, уже дышавший дневным жаром, и испуганное лицо старого уйгура. Геолог поднялся на колени, уйгур отступил от него с почтительным страхом.

— Чего ты боишься, Арслан? — едва выговорил геолог. — Я живой...

— Где ты был, начальник? — спросил Арслан.

— Где был? Там... — Усольцев поднял руку к небу: над долиной торчал черный с теневой стороны выступ Ак-Мюнгуга. — Вот, смотри, — и он протянул уйгуру меч с золотой рукояткой.

Половина ножен отвалилась при спуске; из-под растрескавшейся бурой корки блестела драгоценная голубая сталь — та сталь легендарных персидских оружейников,

секрет изготовления которой ныне утерян. Старик опустил-ся на колени, не притрагиваясь к мечу.

— Что же ты? Бери, смотри! — нетерпеливо повторил геолог.

— Нет, — затряс головой уйгур, — никакой человек не смеет брать такой шемшир, только батуры, как ты...

И старик склонил голову перед изумленным Усольцевым, коснувшись лбом камней.

— Поедем палаткам, тебя лечить нужно...

Старый уйгур направился за конем.

— Постой, Арслан, пойдем вон туда, там лежат куски белого камня от Ак-Мюнгуса. Собери, положи в переметные сумки.

Стенка палатки слегка трепетала от вечернего ветра. Вблизи слышался стук колес, громкие веселые голоса. Мимо раскрытого входа поспешно пробежал уйгур навстречу ехавшим, и вскоре воцарилась полная тишина. Подвода подъехала медленно, совсем тихо. Люди говорили шепотом, осторожно, без шума распрягали лошадей.

— Весь план, значит, меняется, Олег Сергеевич?

Прораб говорил, не переставая разглядывать своего начальника, словно стараясь найти что-то новое в его знакомом лице.

— Вовсе нет. Вы поедете в Ачинохо и начнете работу без меня. А мне придется съездить в Управление, чтобы немедленно организовать тяжелую разведку¹ Ак-Мюнгуса. Налажу разведочную партию — приеду к вам. Кстати, у вас лошадь не устала?

— Нет, мы ехали все вместе на подводе.

— Тогда попрошу вас вернуться в Подгорный. Отправьте вот эту телеграмму в Управление. Там и останьтесь, мы двинемся дня через два.

Два больших шарообразных карагача, веером расходясь из одного корня, стояли на краю поселка. За ними поднимался затянутый голубой дымкой вал Кетменского хребта. Иноходец миновал последний, поросший полынью холм. Узенькая степная тропа влилась в пушистую пыль

¹ Тяжелая разведка — детальное изучение месторождения, с бурением, проходкой горных выработок, взятием точных проб и т. д.

наезженной дороги. Дорога загибалась налево и у края зеленых садов соединялась с другой, огибая промоины и обрывы красных глин. На ней вздымалось облачко желтой пыли — крытая цыновкой подвода катилась из Подгорного. Кто-то, ехавший по краю дороги верхом, вдруг повернул коня и понесся обратно, наперерез Усольцеву. Геолог натянул поводья. К нему подъехала Вера Борисовна.

— Я вас узнала издалека... — Она присматривалась к нему так же, как незадолго перед этим его прораб.

Усольцев молчал, впервые глядя на нее без щемящей тоски, свободно и смело.

— Я поняла, что совсем не знаю вас... — снова заговорила Вера Борисовна, сдерживая пляшущую лошадь. — Я видела вашего прораба... Когда мы увидимся осенью в Управлении, я буду вас очень просить подробно рассказать о Белом Роге и золотом мече. А сейчас... Мои уже далеко, — она поглядела вслед подводе, — до свидания... батур!

Молодая женщина прищепила коня и умчалась.

Геолог проводил ее взглядом вдоль полосы горячей пыли, тронул иноходца и въехал в поселок.

ОТ АВТОРА

Я сам палеонтолог по специальности и написал рассказ «Тень минувшего», мечтая о возможности по-настоящему заглянуть в прошлое нашей Земли, воссоздать полную и живую картину природы древних геологических эпох. По строгим научным законам, ничто не дает права утверждать, что снимки прошлого, подобные описанным в рассказе, действительно существуют. Это не более как вольный вымысел автора.

Но в то же время нельзя поручиться, что какие-нибудь отпечатки картин минувшего не сохраняются в действительности в огромных массах осадочных горных пород. Пусть это будут не световые отпечатки, не воспринимаемые непосредственно зрением снимки, а «письмена» какого-нибудь другого характера, по которым, как и по окаменелостям, мы можем восстанавливать облик древней природы. Мы их еще не знаем, потому что не ищем, не подозреваем об их существовании. А может быть, кому-нибудь из вас, юные читатели, удастся, став ученым, разыскать и, подобно Никитину, сделать достоянием всех людей эти тени минувшего, сейчас еще скрывающиеся от нас в глубинах прошлого.

И. Ефремов

СОДЕРЖАНИЕ

Тень минувшего	3
Ак-Мюнгүз	52
От автора	78

Для старшего возраста

Ответств. редактор *М. Поступальская*. Технич. редактор *Р. Кравцова*.
Подписано к печати 2/X 1945 г. 5 п. л. (4,31 уч.-изд. л.). 35 904 зн.
в п. л. Тираж 45 000 экз. А21943. Заказ 703. Цена 3 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.
Москва, Сущевский вал, 49.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит присылать свои
отзывы по адресу: Москва, Малый Чер-
касский пер., д. 1, Детгиз.

Д

~~Цена 2 р. 50 к.~~

100 =